

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 FEVRIER 1937

LES COSAQUES LIBRES

Xe Année

10 ФЕВРАЛЯ 1937 г.

214

10 ЛЮТОГО 1937 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

РІК ВІДАННЯ 10-ий

М. Титон

Почтовый ящик:

Лестинель. В. Ч. — Получено. Спасибо. Привет.
Бельгия. Н. Б. — Получено. Спасибо. Привет.
Брюссель. Г. Р. — Получено. Спасибо. Привет.
Румыния. И. К. — Получено. Ответ — письмом. Привет.
Ранвиль. И. П. — Получено. Спасибо. Привет.
Ромашкувка. Д. Ч. — Получено. Ответ — письмом. Привет.

Брюссель. Г. Р. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Ужице. П. Т. — Приговор № 7 будет напечатан в следующем номере. Привет.
Тулуза. И. Х. — Получено. Привет.
Тальянс. С. Свиначев. — Десять франков «на ВК пропаганду» получены. Спасибо. Привет.
Бельфор. И. Т. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

О ФОНДЕ СПАСЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА

Чтобы не было в будущем никаких «недоразумений», настоящим предупреждаю, что поступления в «Фонд спасения Казачеству», равно как и отчетность о расходовании его — по своему характеру — опубликованию не подлежат. Нельзя, чтобы наши противники знали, сколько в «Фонд» поступило и как те поступления израсходованы.

Поэтому, пусть в «Фонд» спасения Казачества дают только те, кто мне верят.

Походный Атаман ВК И. Билый.

Оппозиция в „оппозиции“

Перед нами два документа — два издания: 1. «Бюллетень Центрального Правления Казаков Националистов — Вольн. Каз-ва» ном. 4, январь 1937 года и 2. журнал «Казакция» за «декабрь и январь 1936 года», ном. 11-12 (№ 17 - 18).

Из первого издания, из «бюллетеня», мы узнаем, что 25-26 декабря 1936 года в городе Брно (в Чехословакии) состоялся «очередной съезд членов Центрального Правления и руководящего кадра ВК, проживающих в Чехословакии», т. е. меньшинства членов Ц. Пр., к тому же — без господина председателя Ц. правления П. Кудинова.

Вместе с членами «руководящего кадра ВК» (некоторая речь о сих последних будет ниже) съехалось всего 12 (двенадцать) человек.

Эти 12 человек, «констатировав ненормальность и вредность для дела нахождение членов Президиума центр. правления в разных странах», дали Кудинову пошайку и избрали новое «центральное правление» в количестве 13 человек под председательством г. Ивана Безуглова. — Это первое.

Второе. На 3-ей странице обложки журнала «Казакция» (№ 17 - 18) читаем:

«К сведению всех членов Центрального Правления и всех казаков националистов.

РАСПОРЯЖЕНИЕ.

Съезд созываемый на 25-го декабря 1936 года без моего согласия на то, считаю его не законным, как недостойная подтасовка, а потому состав членов центрального правления объявляю распущенным и всякое сотрудничество с последними прекращаю.

Причины не возможности моего прибыть на съезд на 25 декабря объясняются тем, что не имелось возможности к этому сроку получить разрешение на въезд в Чехию, но было подано 16-го декабря заявление в министерство внутр. дел, о чем были предупреждены члены центрального правл. в Братиславе и день съезда был назначен на 19-го января 1937 года.

Председ. Центр. Пр. П. Кудинов.

София, 22-ХІІ 1936 г.

(Интересная деталь: Часть экземпляров этого номера «Казакция» была разослана с оторванной задней обложкой. Сделала это, очевидно, противники старого председателя Кудинова и сторонники нового председа-

теля Безуглова. Часть номеров успела все же разойтись с целой обложкой).

Итак, теперь мы имеем уже оппозицию в оппозиции. Дальше каждая из них поделится еще на две части и будет уже четыре оппозиции и т. д.

Мы, конечно, могли бы многое сказать по поводу всех этих «событий», особенно могли бы позлорадствовать по адресу г. Кудинова. Но, по казачьему обычаю, лежачего не бьют. Оставим, поэтому, его в покое, в полной уверенности, что и сам он теперь будет иметь больше свободного времени для всяческих размышлений, прочтет еще раз свое «Открытое письмо И. А. Билому», напечатанное всего лишь в предыдущем, 16, номере «Казакции», и, вероятно, признает, что «возглавлять» «казачью национальную интеллигенцию» дело не такое уж легкое, как это может показаться на первый взгляд.

Что касается «революции» г.г. «членов центр. правления и руководящих кадров, проживающих в Чехословакии», то да позволено нам будет только спросить их: Где же ваш, г. г. оппозиционеры, демократизм теперь? (Если кто верил, что он был раньше, тот был человеком весьма наивным).

Не подлежит, конечно, сомнению, что новый председатель их — это тоже временная комбинация (как временной комбинацией был г. Кудинов, что было секретом только для него самого. Нужен он был г. г. «интеллигентам» исключительно для того, чтобы помог им свалить Билого. Не свалил Билого, свалили его самого). — А потому господа претенденты в возглавители могут не унывать — есть еще возможности!

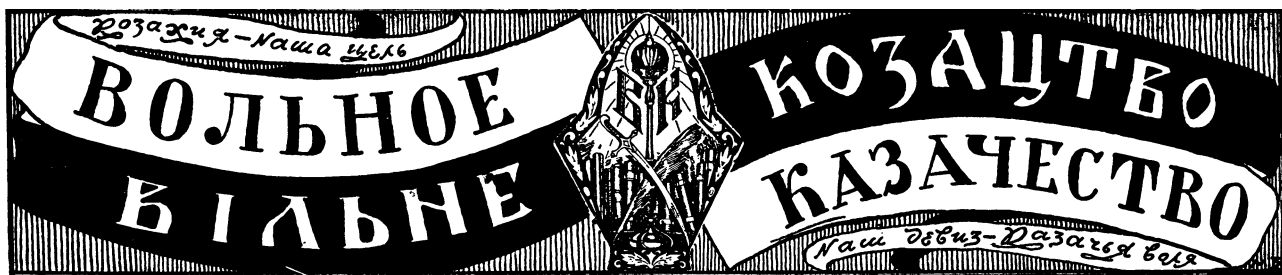
Старое «центральное правление» не собиралось ни разу. Новое тоже не соберется ни разу в полном составе. Значит, 13-тичленные «правления» нужны исключительно для удовлетворения личных амбиций г. г. «интеллигентов».

Всего лишь два слова о «руководящих кадрах ВК». Признаться, первый раз о том слышим. Что же это за звери такие?

А это, видите ли, представители закулисных влияний (своего рода камарилья, невидимые «влиятельные круги»...). Это те, кто стоят за спиной «центрального правления» и дергают за соответствующие ниточки, т. е. «руководят»...

А впрочем, шут с ними, с этими «руководящими кадрами», — пусть себе «руководят», если нашли подходящих умников...

Точка.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16°)

№ 214

Среда 10 февраля 1937. — Среда 10 лютого 1937.

№ 214

Ив. Коваленко (Скубани).

ПОСЛЕДНИЙ АТАМАН ЗАПОРОЖЬЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

(Окончание).

Часть I У.

1.

Мелькали годы за годами...
На Запорожьи мир и тишь...
Лишь над крутыми берегами
Шумел склонившийся камыш.
Да тырса, прячась у дороги,
Полна неведанной тревоги,
Шептала сборищу цветов
Чудесный сказ про казаков,
Про ширь степей, где так недавно
Жизнь беззаботная текла...
Но та пора, как сон, прошла
И уж в степи не видно Фавна, —
Ее покинул старый бог,
Уйдя от скрипа русских дрог.

2.

Но где сложил невинно кости
Казацкой Сичи Кошевой?
Лежит - ли где он на погосте
В земле под «матушкой - Москвой»,
Иль, положив пластом на плаху,
Четвертовали сиромашу?
Никто братьям не мог принести
О нем какую - либо весть.
Ходило разных слухов много
На Украине. Сколько лет
Соседу там шептал сосед,
Что Атамана Кошевого,
Подвесив к конскому хвосту,
Терзали «братья по Христу»...

3.

А Кальнишевский в это время,
Седой, как будто в серебре,
Влача судьбы суровой бремя,
Дни проводил в монастыре.
На дальнем острове Соловки
Ему «квартиру» дал Потемкин, —

Там больше двадцати годов
Томился батько казаков.
Он помещен был в погреб тесный
С решеткой ржавой за окном.
По вечерам пред стариком
Чернец являлся бессловесный
И, оставляя хлеб с водой,
Как тать, скрывался в тьме ночной.

4.

И только на Преображенье,
В день Пасхи и на Рождество,
Ему давали разрешенье
Пойти в собор на торжество.
За ним и там смотрели косо —
И в храме строгий был досмотр...
И интересного вопроса
Не мог задать пришельцам Петр.
А как хотелось казачине
Поговорить об Украине,
Узнать о степи, о Днепре,
Взгрустнуть о радостной поре...
После молитвы в людном храме
Вновь Кальнишевского вели
Обратно в погреб... Там ползли,
По черепашьи, дни за днями...
И долго бедный узник ждал,
Чтоб светлый праздник вновь настал.

5.

За что безжалостно караешь
Меня, несчастного, Творец?
Зачем, зачем не посылаешь
Моим страданиям конец?
Уж мной прожито больше века, —
Довольно мук для человека.
Пора на отдых-бы костям,
Пора не плакать - бы очам,
А сердцу болью не сжиматься.
Скорей-бы мрачный день погас

И пробил мой последний час,
 Чтоб мог я с думами расстаться,
 Унять свободные мечты...
 Где же ты, смерть моя, где ты?

6.

Ах, эти думы и мечтанья!
 Они мозги огнем пекут —
 Ни старость, немощь, ни страдания
 Меня от них не отвлекут.
 Они, как в молодости славной,
 Будто живые реют плавно,
 Восстанавливая предо мной
 Одну картину за другой.
 И мне мерещится Текели,
 Разбитый Кош, мои друзья...
 То вдруг ужалит мысль — змея;
 Что я умру в чернецкой кельи,
 А не в родимой стороне,
 Иль в схватке смелой на войне...

7.

Вот так с печалью неумейной
 Невольник лил потоки слез,
 А за решеткою оконной
 Морской прибой лизал утес.
 Жизнь проходила где-то мимо
 Своей дорокою незримой,
 Не бросив свой приветный взгляд
 Тому, кто пил чужбины яд,
 Кого язвила беспощадно
 Судьба миллионом острых жал.
 Тому, кто радости не знал
 И рвался сердцем своим жадно
 Туда, где лентой серебра
 Струилась линия Днепра.

8.

Был светлый праздник. Из собора
 Пасхальный слышался мотив.
 В углу обширного притвора
 Стоял Петро, голову склонив,
 Из глаз седого Атамана
 На складки синего жупана
 Катились слезы. Тяжело
 Вдыхая, он крестил чело.
 — «Христос Воскресе!... Торжествуя
 Весь Мир поет, — грущу лишь я.
 О, доля горькая моя!
 Не зная истины, живу я
 Уж больше двух десятков лет
 И на вопросы жду ответ».

9.

Что с Украиной, с казаками?
 Уже ли смирились, как рабы,
 И дети Воли пред панами
 Склоняют гордые чубы?
 Увы, напрасные желанья!
 С ним говорить запрещено, —
 Бояся строгого взысканья,
 Все отстранились от него.
 Молчанье. Часом богомолка,
 Взглянув на старца, втихомолку
 Вздохнет и поспешит к дверям,
 А там в подряснике жандарм
 Следит за бывшим Атаманом.
 Эх, видно в гроб придется лечь
 Петру, не услышав про Сечь?
 Но нет, обрадует неожиданно,

Разгладив складки его лба,
 Еще раз хитрая Судьба.

10.

После всенощного моления,
 Когда душа рвалась в высь,
 В трапезный зал, для разговенья,
 Все богомольцы собралась.
 Тут и Петро сидел в сторонке,
 Ловя их разговор негромкий.
 И волновалась его грудь, —
 Невольник ждал, что ктонибудь
 Расскажет, может быть случайно,
 Об Украине, где рожден,
 Куда всю жизнь стремился он
 Из чуждых мест мечтою тайной...
 Но о Славете и степях
 Не вспоминалось в тех речах.

11.

Однако, он узнал о «друге»,
 Что тот давно в могиле спит, —
 Где-то на благодатном юге
 Скончался старый фаворит.
 Царицы также нету. Правил
 После нее недолго Павел.
 Теперь «Лександра», года два,
 Всея России голова...
 Промчались дни в порядке строгом,
 Цари и бары шли со сцен,
 Лишь не случилось перемен
 В тяжелой жизни Кошевого —
 Все ту — ж печаль и тот-же мрак.
 Носил в душе седой казак.

12.

Обед надолго затянулся.
 Но для невольника, как сон,
 Промчалось время и вернулся
 К ужасной яви снова он.
 И вновь не в светленькой трапезной,
 А за решеткою железной
 Прикосновение вериг
 На теле ощущал старик.
 Всю ночь, безумием об'ятый,
 Своей тоски не одолев,
 Метался он, как будто лев,
 Шепча во тьме слова проклятий.
 И слез не мог согнать с очей
 Даже божественный Орфей...

13.

Но вот однажды, в день весенний,
 Весь монастырь заговорил:
 Царь Александр Благословенный
 Петру свободу возвратил.
 Забилося сердце казачины —
 Увидеть стени Украины
 Так жаждал он. И вот теперь
 Его тюрьмы открыта дверь:
 Иди!... — Куда?.. Что за вопросы —
 На волю! Эй готовься в путь!...
 Увы, вздохнула тяжело грудь,
 Поник старик седоволосый —
 Свободы светлый херувим
 Явился поздно перед ним.

14.

Куда итти? Ведь Кош разрушен,
 Нет грозной Сичи над Днестром,
 А те, с кем был он прежде дружен,

Давно почили под крестом.
Смахнув слезу, с улыбкой грустной,
Этот когда - то вождь искусный
О воле выслушал Указ.
— «Благословен да будет Спас!».
Он произнес, перекрестясь.
— «Царь, на закате моих дней,
Ошибку бабушки своей
И месть озлобленного князя
Исправил. Но, благодарю, —
Я встречу здесь и смерть мою.

15.

И из клоповника под башней,
Где двадцать с лишним лет провел
Кальныш Петро — злодей вчерашний, —
Как инок, в келью перешел.
Но порешил отец Игумен
(Старик не в меру был разумен)
За Атаманом наблюдать.
И сыщик в рясе, словно тать,
Следил, чтоб разные пришельцы
При встречах не вели бесед,
А чтоб не «искушался» дед,
То рядом, в маленькие сенцы
Был помещен (на всякий раз!)
Чернец — игуменовский глаз...

16.

Прошло два года. Как-то ночью
Покрылось небо пеленой, —
Носились тучи, будто ключья,
Скрывая месяц золотой.
На море волны бушевали,
Друг - друга бешено сбивали
И, как извечного врага,
Громили грозно берега.
В убогой келье Кальныш хилый
Морскому говору внимал
И тяжело, порой, вздыхал,
Припоминая Край свой милый,
И слыша, будто-бы сквозь сон,
Над степью жаворонка звон.

17.

Петру не спалось. Летели
Мечты в родимый уголок...
Вдруг шорох у оконной щели
Его внимание привлек.
В одежде скромной богомольца
Кто-то, склонившись у оконца,
Лицо к решетке приложил.
— «Кто ты?» — Петро его спросил
И радость душу охватила.
— «Взгляни-ка, Батько, в очи мне.
И вспомни: в крайнем курене,
Там на Пидпильной, жил Данило
Казак чернявенький такой,
Что плавал по Днепру с тобой.

18.

Как? Ты, Данько? Возможно-ль это?
В холодном, северном Краю?!
Как будто призрак с того света
Ты смотришь в келию мою.
Быть может это сон приснился?
Откуда ты сюда явился?!
— Нет, не мираж я. Не во сне
Звучит мой голос в тишине.
К мощам Зосимы и Савватья

Я собирался много лет
И вот пришел. Тебе привет
С Кубани передали братья». —
«С Кубани?!». — «Да у новых вод
Живем мы уж десятый год»...

19.

«Опять Казачество? Давно-ли?
Я что-то, братец не пойму.
Разве сынов Степей и Воли
Не всех упрятали в тюрьму?
Иль ты играешься словами,
Смеясь над светлыми мечтами,
Что я ношу в уме моем?
Так не шути над стариком!».
— «Я не шучу, наш бедный Батько,
Мои слова не смех, не ложь,
Загадку их ты сам поймешь,
Когда поведаю я кратко,
В каких Краях живет и как
Свободу любящий казак.

20.

Сначала всех — «за жабы» взяли.
Нечоса*) очень был жесток, —
Он повелел, чтоб нас отдали
Российским барам на оброк.
В тюрьме строптивые томились,
Но с произволом не смирились
И, погубив остатки сил,
Они сошли во мрак могил.
Наш бедный люд, под панским игом,
С бессильной злобою стонал
И все никак не привыкал
К неволи тягостным веригам, —
Так сокол, раненный стрелком,
Стремится в высь и бьет крылом».

21.

— «А где старшины сичевые,
Где кончить жизнь пришлось им?».
Спросил Петро — и дорогие
Мелькнули образы пред ним.
Как пламень вспыхнул взор Данилы:
— «Погибли все за Край наш милый.
Вот Головатого Павла
В Тобольске смерть подстерегла,
А войсковой писака Глоба
Зачах в глуши монастыря.
Но, гнев на русских затая
Любил Казачество до гроба
И, уходя в последний путь,
Нам Волю завещал вернуть.

22.

Забыв закон Христов и право,
Нас долго мучили паны,
Пока над Северной Державой
Не встали призраки войны.
О ней везде ходили толки.
Забеспокоился Потемкин, —
Светлейший князь сожалел,
Что Запорожцев разогнал.
И, удручен своей ошибкой,
Он разрешение испросил
И Кош опять восстановил.
С тех пор казак шаблюкой гибкой,

*) Нечосой запорожцы называли князя Потемкина.

Как легендарный богатырь,
Оберегал российский мир.

23.

Мы вновь пошли дорогой славы:
Очаков брали, Измаил,
За Русь в бою слагали главы,
Служа ей, не жалея сил.
Напрасно ждали мы расплаты, —
К нам бессердечны были каты
И, лишь стихал сражений гром,
Они грозили ланцюгом...
Мы испытали горя много —
Семнадцать лет ярмо несли.
Ах, тяжко наши годы шли,
Пока Императрицей строгой
Был дан Казачеству «Указ»
Переселиться на Кавказ...

24.

Начальство наше волновалось,
Сбирая Войско вокруг себя.
Козацтво потом обливалося,
Челны без устали долбя.
Засуетился Савва Билый,
Спеша создать «морские силы».
Захар Ченига тратил дни —
Смотрел то седла, то ремни,
Готовя конников усатых
В места иные выступать,
Казачью волю добывать.
А стариков и всех женатых
Считал Антоний Головатый
И, об'езжая степь и Днестр,
Их заносил в большой реестр.

25.

Прошло все лето. Лишь к началу
Дождливой осени наш флот
Пристал к Тамани. По сигналу
Начали выгрузку. И вот,
На берегу, травой заросшем,
Расположились мы Кошем.
Вперед разведчики пошли
И вскоре вести принесли,
Что-по Кубани, до истока,
Черкесы храбрые живут
И край свой зорко стерегут,
Что в нужный час они жестоко
За ширь степей и прелесть гор
Дадут противнику отпор.

26.

Решив с воинственным соседом
«На герць»*) пока не выходить,
Мы нашим мытарствам и бедам
Конец спешили положить.
Хотя на нас и злилась Порта,
Мы заселили Фанагорто,
И всю Кубань до Усть - Лабы.
Затем, перекрестивши лбы
По запорожскому обряду,
Призвав свидетелем Христа,
У Карасунского Кута
Созвали Войсковую Раду
И, под приветные слова,
Там заблестела булава.

*) «На герць» — на поединки.

27.

Чепигу Кошевым избрали —
Ведь он был опытен и стар...
Тогда и город основали,
Назвав его Катеринодар.
Вручили снова нам клейноды
В знак возвращаемой свободы
И мы, как на Сичи своей,
Разбили сорок куреней.
По Запорожью, не скрою,
Сперва вздыхали тяжело,
Потом от сердца отлегло, —
Мы свыклись с новой страной
И там Казачью честь блюдем
И меркнуть Славе не даем»...

28.

Кальниш повел седою бровью
И, сотворив широкий крест,
Благословил с большой любовью
Пришельца из родимых мест.
— «За твой рассказ тебе спасибо!
Всю жизнь я ждал, что мне кто либо
Откроет Истины полог —
И вот привел пред смертью Бог.
Спасибо, друг мой! По поклону
Всем казакам ты передай, —
Я по Кавказу и по Дону
Не раз юнцом чумаковал.
Знавал я те края, знавал»...

29.

— «А что, Данило, на Кубани
Все Запорожцы собрались?».
— «Нет, Батько, много, еще ране,
Под власть турецкую сдались.
И там, в земле чужой, мы знаем,
Живут свободно. За Дунаем
Расположилась у них Сечь.
Но с ней в минувших войнах встреч
Мы избегали. Жутко было
Поднять тяжелый ятаган
На братьев наших христиан,
Но иногда судьба шутила
И казаков своей рукой
Сводила на жестокий бой.

30.

«Вот так живем на новосельи!»
Сказал Данько и замолчал.
А за стальной решеткой кельи
Старик мучительно рыдал:
— «Не умер дух казачий! Боже,
Живут они, как в Запорожьи,
Лишь я в изгнании жизнь влачу
И каждый день Судьбе кричу:
Когда - ж конец?.. — Но, нет ответа»...
— «Отец, прощай! уже заря
Достигла стен монастыря,
Петух вещает час рассвета»...
— «Уже пора? Ну, сынку мой,
Неси братам поклон земной.
Прощай на веки!...».

31.

... Рассветало.
Все реже становилась мгла.
Утра прохлады проникала
Чрез щель разбитого стекла
В темницу мрачную. Угрюмо

Стоял Петро с печальной думой
И, слезы смахивая с глаз,
Шептал: «О, Боже, в первый раз
Судьба врага перехитрила, —
(Не уследил таки чернец!)
И от Казачества гонец
Поведал мне, что Русь таила.
Теперь я знаю: казаки —
Не крепостные батраки...

32.

Затосковала еще пуще
Душа казацкая с тех пор, —
Темницы мрак казался гуще,
Тянуло к Солнцу! На простор!
А как-то ночью вдруг явился
И к ложу твердому склонился
Одетый в белое скелет.
При виде гостя, дрогнул дед —
Онъ в этом призраке согнутом
Узнал посланника Творца
С последней вестью и конца
Уж не по дням, а по минутам
С молитвою покорно ждал,
Как мук естественный финал.

33.

Однажды, келью стороживший
Суровый молодой монах,
Войдя туда, на труп остывший
Нежданно наступил в потьмах.
Крестясь и «свят» шепча невнятно,
Со страхом выскочив обратно,
Пошел к игумену чернец:
— «Благочестивейший отец!».
Он доложил — «Раб Петр скончался».
Игумен, почесав живот,
Изрек: «Душе звони отход!».
И вскоре с вышины раздался
Печальный стон колоколов
По Атамане казаков.

34.

Так, встретив страшные удары,
Ничью лаской не согрет,

В неволе умер Кальниш старый,
Проживши сто двенадцать лет.
Но о последнем Атамане
Не забывали на Кубани,
Там о былом страны родной
Сказ распевал кобзарь слепой,
С присущим лишь ему уменьем.
И кто из нас, под звон кобзы,
Не обронил святой слезы
И, весь охваченный волнением,
Чистосердечно пятака
Не бросил в чашку бедняка?

35.

И ныне, в стороне далекой,
Среди могильных стертых плит,
Защитник вольности широкой
Петр Кальнишевский мирно спит.
Эй, Батько, глянь — твои потомки
Ушли в изгнание опять,
Чтоб унижений избежать.
Опять обманом вероломным
В станицы москали вошли,
Громили церкви, хаты жгли,
А нас вели к столбам позорным
За то, что испокон веков
Мы носим имя Казаков.

36.

И думал враг — единым взмахом
Гордиев узел разрубить
И, хоть дубиной или страхом,
Заставить нашу быль забыть.
Увы, ошибся он ужасно!
Казачество мы любим страстно
И в неприветный Край чужой
Стяг Воли унесли с собой.
Идем дорогой тяжкой, — труской
Уж скоро два десятка лет...
Но, сохраняя твой завет,
Не клоним глав пред властью русской
И помним наш девиз: «Умрем,
Но волю Родине вернем!...».

Октябрь. 1936.

Перед большими решениями Европа разговаривает

Я убежден, что 1937 год будет решать судьбу нашей цивилизации.

Иден.

Европу, кажется, немного лихорадит... И во-
рочается она, ища места поудобнее не то для от-
дыха, не то для новой драки... А пока разгова-
ривает.

Новый год оказался особенно разговорчивым.
Только на протяжении последних двенадцати дней
прошлого января мы слышали четыре больших ре-
чи, четыре программных выступления. 19 января
говорил в Лондоне английский министр иностран-
ных дел Иден. 24 января говорил французский пре-
мьер Блюм в Лионе, 30 января говорил германский
фюрер, а на следующий день ему отвечал француз-
ский министр иностранных дел.

Судя по всему сказанному, — разговорам еще

не конец. Но в дальнейшем они будут, вероятно, ме-
нее длинными и более определенными. Дальнейшие
речи будут, вне сомнения, более конкретными, будут
ставить точки над i. Весьма правдоподобно, что те ре-
чи будут уже теми речами, за которыми следуют и
действия.

Мы, казаки, очень хорошо знаем, что то или
иное изменение в Европе сейчас же отзывается на
международном положении СССР, усиливая или ос-
лабляя его, что, в свою очередь, влияет на положе-
ние там Казачества и казачьего вопроса.

Вот почему нам необходимо внимательно сле-
дить за словесной дуэлью государственных мужей
Европы.

Суть речи Идена сводилась к следующему: Надо выиграть время (Англия только начала воссужаться. Ред.). Не надо вмешиваться никому в испанскую войну. Для Англии неприемлема альтернатива: либо правая, либо левая диктатура. Она отклоняет утверждение, будто демократия ведет к коммунизму. Англия желает сотрудничать со всеми державами...

Прежде чем перейти к речи Блюма, коснемся нынешних московских настроений и желаний, т. к., поскольку это уже известно, на содержание выступления французского премьера оказала влияние именно Москва.

В Москве, как мы это уже и отмечали, недовольны литвиновской внешней политикой, не давшей большевикам, в конечном счете, никаких существенных, никаких осязательных результатов. Москва недовольна Францией за ее недовольство Москвой (Париж имеет свои поводы быть недовольным Москвой, не говоря уже о вере или неверии его в советскую помощь в трудную минуту). Недовольны в Москве Парижем и за свои международные неудачи прошлого года. Недовольны «колебаниями» французского правительства в его отношениях с Германией и Польшей. Недовольны «уступчивостью» Парижа перед «фашистскими диктаторами».

Недавно большевики «пригрозили» «бросить западные демократии на произвол судьбы», если они будут продолжать «проявлять бессилие и нерешительность в борьбе с воинственным фашизмом». Москва, будто бы, может пойти и на то, чтобы «пересмотреть все свои международные отношения и дружбы».

Большевики хотели бы усиления франко-советского пакта и более активной поддержки себе со стороны Франции.

Но есть и иные течения в Москве. Есть там те, кто хотел бы видеть в Европе (хоть в одной еще стране!) революцию — не ради самой революции, сколько для того, чтобы Европа имела свое очередное «занятие» и не занималась бы СССР. По тем же самым соображениям, Москва предпочла бы войну в Европе подальше от своих границ. Особенно желательной для нее была бы война между Францией и Германией (отвлекла бы «германскую опасность» от нее самой).

Но, Франция на это не идет, а в Испании большевистские дела тоже не так уж блестящи... И Москва сердится. А больше всего она боится, чтобы Европа, примирившись между собою, не выступила бы общим фронтом против СССР, против поджигателей «мировой революции».

И когда стало известно, что французское правительство могло бы пойти на прямые переговоры с Германией и что французский премьер может в своей лионской речи сделать в этом смысле некоторые уступки Германии, большевики всползлились и пригрозили разрывом...

Блюм уступил и ограничился повторением общих мест старой концепции французской внешней политики.

Уклоняясь от прямых переговоров с Германией, глава французского правительства высказался против системы двусторонних пактов, желая найти, очевидно, разрешение франко-германского спора в общем упорядочении дел всеевропейских.

Речь Блюма ничего не изменила в том, что было до нее, ничего не принесла нового. Все осталось по-прежнему...

Перед речью Гитлера английская газета «Таймс», вероятно не без согласия своего правительства, сделала общую сводку всех спорных европейских вопросов, высказалась по существу нынешней немецкой политикой и изложила английскую точку зрения. «Таймс» — против Берлина — Рима — Токио в вопросе о создании общего фронта против коммунизма. «Английский план» предлагает такое новое разрешение европейских дел: 1. — Общая борьба с «испанской опасностью». 2. — «Западный пакт» (существенное отличие от плана французского, защищающего «европейский пакт», т. е. пакт с участием большевиков. Английский план можно формулировать и так: Англии нет дела до французских обязательств в Восточной Европе). 3. — «Смягчение» отношений между Берлином и Москвой, ограничение деятельности Коминтерна. 4. — Соглашение о разоружении. 5. — Реформа Лиги Наций. 6. — Экономическое соглашение (экономическое сотрудничество).

С большим нетерпением и интересом ждала Европа выступления германского вождя.

Гитлер фактически обошел почти полным молчанием речь Блюма и отвечал преимущественно англичанам. Содержание его речи таково:

Отказ от дальнейших статей Версальского договора: главное — снятие ответственности Германии за прошлую войну. Между Германией и Францией нет сейчас никаких поводов к раздорам. Германская гарантия неприкосновенности границ Бельгии и Голландии. Германия не изолирована и не чувствует себя изолированной. О Лиге Наций можно будет говорить только после ее реформы. Никаких договоров с СССР. Германия никогда не будет защищать сов. России и сама не нуждается в ее защите.

По вопросу о вооружениях и разоружении Гитлер сказал: Раньше мы три раза предлагали ограничить вооружения. Наши предложения не были приняты. На них ответили пактами с СССР. Теперь мы сами решим, какое вооружение нужно Германии. Такие вопросы должен решать впредь каждый народ самостоятельно.

Весьма существенным и серьезным было заявление о колониях: Германии нужны колонии, как нужны они Италии и Польше. Чужого не хотим — не хотим колоний от тех, кто у нас их не брал. Хотим вернуть свои старые колонии. Они нужны нам не для военных, а исключительно для экономических целей.

«Четырехлетка» будет осуществлена (план хозяйственной перестройки Германии и освобождения ее в наибольшей мере от внешних рынков).

Германия сделает все для поддержания мира, но никогда уже не подпишет договоров, несовместимых с ее национальной честью и достоинством.

Такова суть сказанного Гитлером 30 января.

В Англии она произвела несомненное впечатление.

Французская печать недовольна: «Гитлер по-прежнему отказывается от общего разрешения всех спорных европейских вопросов, предлагая нам систему двусторонних пактов, без намека на коллек-

тивную безопасность и санкций против нападающей стороны».

На следующий же день Гитлеру отвечал французский министр иностранных дел, заявивший еще раз то, что семь дней перед тем сказал Блюм.

В своем слове г. Дельбос, подчеркивая, что французские обязательства по отношению к союзникам будут выполнены, заявил, что «несправедливо и опасно исключать из европейской и мировой политики 200 миллионный народ, не питающий ни к кому вражды, и, как все мы, нуждающийся в мире и желаний мира»...

Мы не питаем ни малейшей надежды убедить в чем либо г. французского министра иностранных дел. Тем не менее должны все же заявить, что сами большевики исчисляют население своего СССР в 170 миллионов. Разница в 30 миллионов в таких случаях — разница существенная. Кроме того, из тех 170 миллионов, по скольку мы тоже осведомлены, половина как раз не хочет участвовать в европейской и мировой политике под фирмой СССР. Поэтому, французский министр был бы ближе к истине, если бы, говоря о сов. России, говорил бы о 80 - 90 миллионах.

Не думаем также, чтобы слова о справедливости в данном случае звучали особенно убедительно. Не может быть речи о справедливости там, где по отношению к 70-ти миллионам не русских народов царствует хуже чем несправедливость. Государство, построенное на насилии, терроре и угнетении целых народов, нельзя защищать, апеллируя к справедливости.

После речи Дельбоса немецкие газеты писали: Между французской идеей коллективной безопасности и германской системой мира, основанной на добрососедских отношениях между смежными странами, попрежнему существует глубокая пропасть...

Или: Нет соглашения с Берлином без разрыва с Москвой! — Очевидно, для Франции важнее сохранить пакт с Советами, нежели вопрос о защите Запада против коммунистической заразы!...

— Итак, предложены три метода, три пути «спасения Европы»:

Всёобщее, всеевропейское решение всех спорных вопросов, — говорит Франция. Решение и упорядочение дел в Западной Европе, — предлагает Англия. Соглашения и договоры между соседями, — настаивает Германия.

Дискуссия продолжается. Будет ли она и впредь идти на словах или изменит свои формы — покажет ближайшее будущее.

Во всяком случае, французский военный министр, уже после сказанных четырех речей, еще раз подтвердил, что Европа вооружается. Вооружается (по его словам) Германия, Италия, СССР, Польша, Чехословакия, Югославия, Англия и даже Швейцария... Сказано это было в французском парламенте для того, чтобы оправдать французские вооружения.

Тот же министр (Даладьё) и там же еще раз подчеркнул, что Франция останется верна своим союзникам.

А на другой стороне границы, германский министр д-р Геббельс, на второй день после речи Даладьё, говорил: «На границах Европы живет народ, руководители которого решили ввергнуть остальные народы в хаос и анархию. Два блока, покоящиеся на противоположных основах, не могут существовать рядом. Конфликт интеллектуальный или вооруженный неизбежен... В Европе слишком много говорят о войне. Я могу гарантировать, что никакого вооруженного конфликта не будет... 30 января фюрер протянул Франции руку. Но он ясно предупредил, что он не допустит торговли, если дело будет идти о чести и жизненных интересах Германии. Мир должен раз навсегда понять, что ему приходится иметь дело с новой, сильной Германией»...

Но несомненно, что наиболее интересной будет предстоящая речь Гитлера 26 февраля. Вероятно, она будет более определенной и более конкретной, чем все январьско - февральские речи европейских министров.

Большое значение могут иметь для нас начавшиеся переговоры между Италией и Турцией. Много из того, что служило предметом разговоров между итальянским и турецким министрами иностранных дел, нам, конечно, не известно. Но некоторые, попавшие в печать, сведения весьма интересны. Передают, что Италия сделала большое усилие, чтобы привлечь Турцию к антисоветскому блоку и «заинтересовать» ее судьбою народов, борющихся за свое освобождение из под власти СССР.

Если это так, можем только пожелать г-р. Чианческо успеха.

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА, ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗЪЕДИНЕННЫМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ, ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ...

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть IV.

(Январь — май 1920).

Глава X.

Значение Кубани в борьбе Казачества на два фронта. — Причины ухода Кубанцев с фронта. — Казачья масса и кубанская правящая верхушка. — Пулюковщина. — «Зеленые». — Карательные отряды. — Приказ Кубанского Войскового Атамана.

В январе 1920 г. командующий Донской армией ген. Сидорин несколько раз, и по телеграфу и устно, обращался к Кубанскому Атаману ген. Букретову с просьбой ускорить высылку на фронт кубанских пополнений, утверждая при этом, что если Кубанцы дружно выйдут на фронт, окончательная победа над большевистскими армиями обеспечена. То же самое утверждал и ген. Деникин. Выступая 16 января на Верховном Кругу, он сказал: «Возможны, конечно, еще неудачи; но даже дальнейший отход не страшен при данной силе и настроении главного нашего фронта и при **непременном условии немедленного выхода на фронт Кубанских частей** для наступления и для прикрытия некоторых направлений, совершенно обнаженных и угрожаемых». (Деникин. Очерки рус. смуты, т. 5-й, стр. 299).

Большевистские участники и исследователи описываемых событий утверждают то же самое: ... «Весь успех дальнейшей обороны белых зависел от того, окажется ли на этот раз Кубань таким же жизненным для них районом, каким она была для них в дни возникновения Добровольческой армии». (Гражданская война 1918 – 1920, т. III, стр. 296).

Почему же Кубанцы массово не пошли на фронт в начале 1920 г.? Очевидно, потому же, почему в конце 1919 г. они ушли с фронта. И в начале 1920 г. действовали те же причины, под влиянием которых были Кубанские казаки в конце 1919 г.

Попробуем, хотя схематически, ответить на поставленный вопрос. Очевидно, тут влияли причины не случайного и не мимолетного характера.

Что представляло из себя Кубанское казачество еще перед войною 1918 – 1920 г. г.?

Во-первых, не следует забывать того, что Кубанские казаки, в своем большинстве, происходят от славного Войска Запорожского, многовековая боевая слава которого известна всему свету. Дух воли, независимости, свободы и рыцарского демократизма глубоко сидел в крови казаков...

Можно бы привести тысячи фактов, неопровержимо свидетельствующих о том, что этот дух сохранился как у Кубанцев, так и у казаков иных Войск, и с ним они вошли в революцию 1917 г. и в войну 1918 – 1920 годов.

Другую основною чертой Кубанских казаков является их культурность, о чем свидетельствовало не только хорошо поставленное нисшее образование — прекрасные школьные здания по станицам, хорошие библиотеки, богатые физические кабинеты, сравнительно высокое жалованье станичных учителей, — но и большое количество средних и высших начальных школ по станицам (первая **войсковая гимназия** на Кубани была открыта еще в 1819 г.).

О культурности и хозяйственной предприимчивости Кубанцев говорит и густая сеть кредитной и потребительской кооперации, охватившая все станицы, и три центральных объединения кооперативных учреждений...

Кубань была в составе бывшей огромной России единственным краем, где само население построило на кооперативно – акционерных началах три железные дороги: Черноморско – Кубанскую, Армавир – Туапсинскую и Ейскую.

Кубань (как и Дон, и Терек) могла похвалиться большим числом, сравнительно хорошо развитых, добрых хозяев — станичных атаманов, кооператоров и лиц интеллигентских профессий — учителей, священников, офицеров, которые общими усилиями энергично и

быстро поднимали культурный и хозяйственный уровень весьма трудолюбивого и предприимчивого населения...

Благозвучный украинский язык большинства кубанского населения, лучшая в мире казачья песня, крепко сохранившиеся старо – казачьи обычаи и традиции, чистота усадеб и жилых помещений, потопавших в прекрасных садах, заметно выделяли Кубанцев наряду с другими казаками, среди населения обширного многоплеменного Российского государства.

Вековая любовь к своему народоправству так глубоко сидела в Кубанском Войске, что даже императорское правительство не могло не считаться с этим фактом, почему уже в 1906 г. на Кубани была собрана Войсковая Рада для решения сложного земельного вопроса. Тот же дух Кубанского свободолюбия и своего рода сепаратизма (отдельности, обособленности от России), заставил российское правительство ограничить представительство Кубанского Казачьего Войска в 3-й и 4-й Государственной Думе (напр., Курская губ. имела в Гос. Думе 13 депутатов, а Кубанское Войско только одно-го).

С чего началось сотрудничество Кубанцев с русским антибольшевистским движением? — Началось оно подписыванием известного соглашения между Кубанским Правительством и руководителями Добровольческой армии 18 марта 1918 г. в ст. Ново – Дмитриевской о взаимном признании, о признании добровольческими генералами самостоятельности Кубани и права Кубани на отдельную армию («Трагедия Казачества», ч. I, стр. 99).

А во что потом вылилось это соглашение?

Кубанцы на своих плечах вынесли «добровольческое командование»; благодаря поддержке со стороны Кубанцев Добровольческая армия выросла и укрепилась на Северном Кавказе.

В благодарность за это русские люди делали беспрерывные и назойливые попытки навязать Кубани русскую «белую» диктатуру; в 1918 г. они делали попытки произвести переворот на Кубани с целью утверждения над казаками своей власти; в конце того года различными ухищрениями «белые» весьма способствовали выборам ген. Филимонова в Атаманы. Они нарушили данное ими слово при подписании соглашения 18 марта 1918 г. и неизменно в течение почти двух лет мешали организации Кубанской армии; в начале 1919 г. они зверски убили четырех казаков ст. Пашковской; в течение долгого времени они оскорбляли и раздражали Кубанцев проповедью своего «Освага», систематически унижавшие го и осмеивавшего выборные органы Кубанской власти. «Белые» помешали установлению нормальных добрососедских отношений между Кубанью, с одной стороны и Кавказом и Украиной, с другой стороны, втягивая Кубань в ненужную войну с соседями; они помешали установлению между Кубанью и иностранными государствами желательных для Кубани дипломатических и торговых сношений. Захватив в свои руки внешнюю торговлю и получение интендантского имущества из-за границы, «белые» не наладили сколько – нибудь удовлетворительного снабжения обмундированием Кубанские войсковые части; получая с Кубани большие запасы продовольствия, они морили голодом Кубанцев, воевавших на Царицынском направлении; обнаглев до крайности, добровольцы убили председателя Краевой Рады Н. С. Рябова. Осенью 1919 г., в дни наиболее тяжелых и напряженных боев у г. Царицына, где Кубанские полки и батальоны истекали кровью, добровольцы объявили экономическую блокаду Кубани и помешали снабжению Кубани товарами в период реализации урожая того го-

да. Они предали военно — полевому суду Кубанскую заграничную делегацию, а потом зверски расправились с членом этой делегации А. И. Кулабуховым, повесив его на старой исторической крепостной площади в столице Кубани. Они все время навязывали кубанским войскам в вожди чуждого для Кубани по крови и духу генерала барона Врангеля...

Каждая из вышеперечисленных «акций» «белых» русских людей глубоко оскорбляла Кубанских казаков, вызывая у них чувство мести, желание уничтожить зарвавшуюся чужую камарилью, губившую казачьи жизни, уничтожавшую казачье добро, в корне подрезывавшую взлелеянное казачьи руками и выращенное казачьи трудами дерево казачье Воли...

По многим причинам не став тогда на прямой путь вооруженной борьбы, одновременно против «красных» и против «белых», русских единомышленников, разувшись в возможности самого успеха в борьбе, веденного в союзе с «белым» русским движением, большинство Кубанских казаков, к глубокому сожалению, стало все же лишь на путь пассивного сопротивления и, оставив фронт, разошлось по станицам, а часть Кубанцев ушла даже к «зеленым» — этой, без определенной идеологии и с незаконченной организацией, армии людей, протестующих и против «белых» и против «красных»...

Двинуть Кубанских казаков вновь на кровавую борьбу могла бы только своя, родная, смелая и решительная, **Казачья власть**, окончательно и быстро разорвавшаяся с русским «белым» движением; власть — **вождь**, власть — **организатор**, власть — **ободряющая, объединяющая и направляющая народную массу на бой с врагами**.

Кубанская Краевая Рада в своей сессии, от 30 декабря 1919 г. до 7 января 1920 г., прочитала было душную атмосферу... Блеснул, было, луч надежды. Но эта Рада не сумела избрать Атамана — вождя, из ее среды не вышел разумный и властный народный повелитель... Появился Атаман — чиновник, нерешительный, безвольный атаман — русский интеллигент. Кубанская войсковая булава попала в неуверенные руки русского армейского офицера генерального штаба. Этот неудачный выбор Рады был причиной личной драмы, ныне покойного уже, ген. Букретова и одной из страниц глубокой трагедии Казачества.

О Кубанском Правительстве В. Н. Иваниса, как о не удачном организаторе Кубанского Казачества, было уже сказано выше. О коллективной воле Казачества Кубани, Дона и Терека — Верховном Круге — тоже говорилось достаточно. Политика соглашения Круга с ненавистным, особенно для Кубанских казаков, ген. Деникиным, не могла, конечно, поднять Кубанских казаков на новое их сотрудничество с этим «главнокомандующим вооруженными силами Юга России».

За первые два месяца 1920 г. видно как бы три периода в настроении Кубанских казаков, в их отношении к фронту. Был некоторый подъем в первые недели января: казаки по мобилизации являются в назначенные для сбора пункты, организуются в части. Даже ген. Деникин, в согласии с правдой, отмечает, например, тот факт, что сорганизованный таким путем 2-й Кубанский корпус во второй половине января выглядел прекрасно — «все воодушевлены порывом вперед и верю в успех»...

Потом оказалось, что железные дороги не смогли наладить сколько — нибудь удовлетворительную перевозку мобилизованных. Да к тому же и казаки увидели, что все остается по-старому, что ген. Деникин и далее выступает в роли главнокомандующего...

Наступил второй период — новое разочарование, упадочное настроение, нежелание понапрасну жертвовать своей жизнью. Начало этого периода отмечено в вышеприведенном Приказе Кубанского Войскового Атамана — дня 15 января 1920 г. (глава VI). В этот второй период часть казаков, увидев, что постановления Рады снова повисают в воздухе, что казачьи правительственные верхи по-прежнему идут с ген. Деникиным, начала сама организовываться для вооруженного выступления и против деникинцев, и против большевиков. Тогда окончательно оформилось движение среди Кубанских казаков под руководством члена Кубанской Краевой Рады малограмотного сотника Пилюка (родом из соседней с Екатеринодаром станицы **Елизаветинской**).

Казаки — пилюковцы категорически требовали полного разрыва с ген. Деникиным. Однако, кубанские верхи 22 января оформили соглашение с этим самым генералом. Естественно, между казачьей правящей верхушкой, объединившейся с Деникиным, и пилюковцами возник острый конфликт.

Сначала, с целью уговаривания сотника Пилюка и пилюковцев, в ст. Елизаветинскую ездили — председатель Куб. Правительства В. Н. Иванис, председатель Рады и Верховного Круга И. П. Тимошенко и Кубанский Атаман ген. Букретов. Казаки — пилюковцы как — будто колебались, но, в конце концов, остались на своих позициях. Тогда Атаман и Правительство направили против них карательную экспедицию из юнкеров Кубанского военного училища. Пилюковцы не подчинились и ушли в горы, к «зеленым», где скоро сотник Пилюк стал как-бы признанным вождем большинства «зеленых» отрядов (об этом ниже).

Было много причин, вызвавших так наз. «зеленое» движение на Кубани, но главной из них была ненависть населения к русскому контр — рев. движению во главе с ген. Деникиным. Были, конечно, среди «зеленых» и такие, которые там поджидали только «красных».

К началу 1920 г. число «зеленых» в горах Кубани увеличилось в значительной мере и за счет Кубанских казаков. «Зеленые», от всей души ненавидя «белых», стремились перерезать железную дорогу Екатеринодар — Новороссийск, чтобы помешать «белым» убежать за границу. Как теперь известно, «зеленые» охотились за самим ген. Деникиным, желая захватить его в свои руки...

Когда налаживалось соглашение между Верховным Кругом и Деникиным, «зеленые» начали проявлять значительную активность и захватили часть железной дороги на Новороссийск. 22 января, т. е. в день принятия Верховным Кругом соглашения с Деникиным, последний приказал: ... «Для очищения от зеленоармейцев района станиц Ильской, Холмской, Абинской (все — по железной дороге Екатеринодар — Новороссийск) и далее на юг теперь же перебросить по жел. дороге в указанный район 1-ю Донскую дивизию (Нр. 0018).

Следует подчеркнуть, что начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский, 23 января за Нр 0344, «самым решительным образом протестовал против направления 1-й Донской див. против «зеленых» и настаивал на использовании сил этой дивизии (1.228 шашек, 6 орудий и 11 пулеметов) на Новочеркасском направлении». Командующий Донской армией ген. Сидорин все же дал согласие на посылку этой дивизии в тыл и она была направлена в Таманский отдел «для борьбы с зелеными и изменившими своему долгу и Казачеству Кубанскими казаками, приставшими к ним», как формулировал задачи дивизии ген. Сидорин (журнал воен. д. Донской армии).

Таким образом, Кубанский Атаман ген. Букретов и Кубанское Правительство Иваниса стали на опасный путь посылки карательных отрядов по станицам Кубани. Как пояснил председатель Правительства Иванис в частном совещании членов Кубанской Рады, Донского и Терского Кругов, 22 февраля 1920 г., эти карательные отряды подчинялись и Кубанским властям, и этим отрядам даны были «точные и определенные инструкции»: «выловить дезертиров с применением военно — полевого суда, им разрешено применение телесного наказания; что касается членов Рады», пояснил председатель, «то, если будут улики, они (карательные отряды) обязаны их арестовать и представить в Екатеринодар для предания в обычном порядке суду Кревой Рады» («Вестник Верховного Круга», Нр 37, за 25.II.1920).

К каким пагубным результатам привела посылка этих карательных отрядов, будет сказано ниже.

Так было на Черномории. Нечто подобное было и на Линии, где, например, станицы правого берега р. Лабы — Темиргоевская, Воздвиженская и Петропавловская вынесли формальные требования об удалении ген. Деникина из пределов Кубани. Некоторые станицы требовали немедленного ареста генералов Покровского и Врангеля и предания их военно — полевому суду за ноябрьский переворот на Кубани (Покровский: Деникинщина, 276. «Трагедия Казачества», ч. III). Это движение перекинулось и в Хоперский округ Баталпашинского отдела.

Волнение охватило весьма значительную часть Кубанского Войска.

В конце января лично посетив целый ряд станиц Таманского отдела, Кубанский Войсковой Атаман издал нижеследующий приказ:

«Приказ Кубанского Войскового Атамана, № 76.

Счастливы объявить Кубанскому Краю, что Кубанская армия образована и сейчас спешно пополняется конными, пластунами и иногородними. С 26 января в состав Кубанской армии включены все части упрямленной Кавказской армии и во главе Кубанской армии поставлен мною генерал — лейтенант Шкуро.

Пополнения и вновь формулируемые Кубанские части постепенно выступают на фронт. Приказываю всем остальным полкам, пополняющимся в Крае, выступить без задержек, для чего начальствующим лицам позаботиться о спешной подаче подвижных составов.

До моего сведения дошло, что в станицах находится много так называемых легальных дезертиров — молодых казаков, солдат и горцев, которые по разным документам прибыли в станицы из частей и по мобилизации на сборные пункты не явились.

Приказываю и требую в самый кратчайший срок всем Атаманам станиц и хуторов, всем старшинам сел и аулов, доставить Атаманам отделов списки оставшихся в станицах лиц, подлежащих отправлению на фронт и уклоняющихся от этого, а Атаманам отделов немедленно таковые списки представить в Войсковой Штаб.

Неявившихся на сборные пункты по мобилизации считать, как дезертиров нашей родной Кубанской Армии, предав суду и карать без всякого снисхождения.

Пусть знают все, что Кубанская армия никаких дезертиров не потерпит: сейчас, когда на долю Кубанской армии выпал счастливый жребий склонить чашу ве-

сов военного успеха в нашу сторону, все истинные сыны Кубани должны, как один, спешить туда, где уже наши братья б'ются с врагом, защищая родные очаги.

С верой в славный путь Кубанской армии, я призываю и требую от всех и каждого, от генерала до казака, проявить присущий Кубанцам героический порыв и довершить начатый год тому назад великий и славный путь спасения Родины от кровавой междоусобной войны.

Приказ прочесть на всех станичных, хуторских, аульных и сельских Сборах, во всех сотнях, ротах, командах и батареях.

Подлинный подписали:

Войсковой Атаман Ген. Штаба ген. -майор:

Букретов,

и управляющий Военным Ведомством Ген. Штаба. ген. - лейтенант **Болховитинов.**

Третий период в настроении Кубанцев наступил с того времени, когда в первых числах февраля большевистские армии с востока подошли вплотную к границам Кубани или даже в некоторых местах перешли их, и когда члены Кубанской Краевой Рады 10-12 февраля **раз'ехали по станицам Кубани ПОДНИМАТЬ СПОЛОХ.** Тогда не верили уже больше ни Верховному Кругу, ни Кубанскому Атаману и Правительству. «Верховный Круг теперь утратил в наших глазах свое значение... Мы приложим все усилия, чтобы поднять массы и, твердо опираясь о силу, предъявим свои требования», — говорил тогдашний лидер Черноморцев — член Рады и Верховного Круга И. А. Билый. (Деникин. Очерки р. смуты, т. 5-й, стр. 314).

(Продолжение следует.)

А. ЛЕНИВОВ.

Чернецовские партизаны в бою у ст. „Заповедное“ -- 26 января 1918 г.

(К 18-й ГОДОВЩИНЕ ГИБЕЛИ ЗНАМЕНИТОГО ПАРТИЗАНА ПОЛК. В. М. ЧЕРНЕЦОВА).

«Посвящаю убиенным моим соратникам»...

26 января (по старому стилю) 1918 года, около полустанка «Заповедная» (Екатерининской жел. дор.) произошел бой 1-й сотни Чернецовских партизан с главными силами русских большевиков, наступавших от ст. Дебальцево через ст. ст. Ровенки — Гуково в направлении на ст. Зверево — г. Новочеркасск. В состав большевистской группы входили: отряды Выборгского и Коломенского районов Петроградской красной гвардии, 1-й полк Московской красной гвардии, Кинешмо — Костромской военно-революционный отряд, партизанский конный отряд (Пашенко), отряд Черноморских матросов (Мокроусов), дивизион (2 батареи) Харьковской пролетарской артиллерии. В общем счете численность указываемых большевистских соединений достигала 3 с половиною тысяч штыков, 150 шашек при 2 бронепоездах, 1 бронеемобиле, 8 орудиях и более 100 пулеметах.

В этом бою, длившемся девять часов, из 1-й сотни Чернецовских партизан, вышедшей в поле в составе 165 штыков, выбыло убитыми — 39 партизан, ранеными — 68, контуженными — 5, т. е. 79 проц. наличного боевого состава.

Бой у «Заповедной» является сильнейшим боем Чернецовских партизан, где последние понесли поражение... Но не было ли поражение это победой духа, показателем красочного мужества юнцов Чернецова, когда в полной мере выявилась вся доблесть и стойкость характера партизан, в самом начале боя уже утративших оружейную площадку, разбитую попаданиями большевистских снарядов; имевшими, из четырех пулеметов, заклинившимися три, и, несмотря на это, дравшихся все время в рукопашной схватке с русскими красновардейцами...

Около шести часов утра 26-го января, эшелон 1-й сотни Чернецовских партизан вышел со ст. Зверево в направлении на ст. Гуково. Железнодорожный состав и на этот раз имел тот характерный вид, который был

всегда присущ Чернецовским поездкам. Два сильных Сормозских паровоза, один спереди, другой сзади, толкали состав, имевший до семидесяти вагонов. Проигрывая быть — может в отношении скорости и удобства маневрирования, громоздкость эта имела и свою положительную сторону в смысле «морального воздействия» на психику противника. На этом, собственно, и основывалась вся тактика Чернецова при встречах с сильнейшими противником. В голове состава обыкновенно находилась открытая платформа, обложенная мешками с песком; на платформе помещалась единственная пушка. Пулеметная команда с пулеметами располагалась на буграх тендерного угля.

Выйдя с полустанка «Заповедная», эшелон Чернецовских партизан подвигался вперед замедленным темпом, ибо ничего не было известно о точном местонахождении большевистской группы. Сведения, доставленные разведчиками, носили противоречивый характер, хотя возможно было предполагать, что большевики концентрируются на участке железной дороги между ст. ст. Провалье и Гуково!

Около семи часов утра того же дня партизанский эшелон, оказавшийся на виду ст. «Заповедная» (11 верст от ст. «Зверево» — в сторону ст. «Гуково»), подвергся сильному артиллерийскому обстрелу... Сотник Курочкин, командир 1-й сотни Чернецовских партизан, усмотрев, что «Заповедная» занимается большевиками, остановил эшелон и приказал начать выгрузку, проведенную партизанами чрезвычайно быстро и без всякой суетливости, несмотря на частые попадания снарядов в вагоны.

«На молитву, шапки долой!» — раздалась команда. Лязгнули приклады винтовок о мерзлую землю, часто замалькали в воздухе руки, сотворяя крестное знамение! С оглушительным визгом разорвались над головами:

нервные шрапнели. Один партизан упал. — первая жертва боя...

Перестроив сотню из развернутого фронта в колонну по два, сотник Курочкин повел партизан вдоль полотна железной дороги. Глубокие сугробы снега, выпавшего за ночь, лежали сплошным белым ковром на всем протяжении; пронизывающий ветер, дувший с севера, заставлял продрогших партизан идти проворным шагом, несмотря на то, что снег приходился по колено.

Пройдя около версты низиной по балке, и обогнув длинный деревянный забор, тянувшийся вдоль полотна железной дороги, партизаны вышли в поле. Развернувшийся взором партизан колорит местности, был весьма характерен, широко распростершаяся степь с сильно изрезанным профилем, бесчисленные буераки и овраги на каждом шагу. Резким черным пятном на общем белом фоне вырисовывался вокзал с окружающими его станционными строениями, окруженными частоколом!

«1 и 2 взводы по левую сторону железной дороги, 3 и 4 взводы по правую, 5-й взвод в резерв, я с ординарцами двигаюсь по полотну железной дороги!» — отдал последнее распоряжение Курочкин. Растянувшись фронтом в длину, от станции двигались две густые цепи красногвардейцев, на путях у вокзала виднелось несколько составов, в воздухе нависали семь белых дымок большевистских паровозов.

С трудом вытягивая ноги из снега, партизаны начали быстро разворачиваться в обычную, жидкую цепь. Сзади медленно подходила отцепленная от эшелона платформа с оружием шт. кап. Шперлинга!

Бой начался... Уверенным шагом, соблюдая равнение, партизанские цепи двинулись навстречу большевикам, имея винтовки на ремне, согласно традиции, заведенной Чернецовым. Не вступая еще в зону пулеметного и винтовочного обстрела, партизаны уже начали нести чувствительные потери от артиллерийского огня. Большевики, разбив ураганный огонь из своих восьми полевых орудий, стреляли с удивительной меткостью, посылая снаряды прямо в цепи партизан. С своей стороны, последние вели огонь одним единственным орудием, тем самым как-бы подчеркивая большевикам, что и у них имеется артиллерия!

Обе цепи большевиков, не дойдя полуверсты до партизан, круто повернули назад и начали отход к станции...

Опасения партизан, заподозривших ловушку в маневре большевиков, подтвердились!... 1-й взвод партизан, находившийся на левом фланге наступающей сотни, выйдя к большому сеному базу, подвергся внезапному нападению отряда Черноморских матросов, скрывавшихся до этого времени в засаде.

При полном молчании обеих сторон завязался страшный штыковой бой; в рукопашной схватке сошлись матросы Мокроусова и семинаристы Чернецова. С одной стороны — «краса и гордость русской революции» матросы Черноморского флота, с другой — «Иисусова пехота», юноши — семинаристы. Матросы широкоплечие здоровяки, в коротких черных бушлатах, охваченных башлыками из верблюжьего сукна, в своих шапочках-матросках, обраймленных георгиевскими ленточками, превосходили по своей численности во много крат взвод семинаристов, отнюдь не уступавшим им в отношении телосложения.

Со страшной силой опускаются приклады на головы, мелькают штыки в туманном воздухе, сухо щелкают револьверные выстрелы. Лицом к лицу, грудь о грудь, вопрос жизни и смерти решается в страшной схватке!

Через пять минут матросы стремительно бегут, бросая на месте схватки своих убитых и раненых товарищей. Партизаны никого не оставляют в живых из захваченных матросов, (как не оставляли в живых красные их). Пленных не брать — было девизом Чернецовских партизан. Зверство — ли это, попарение — ли основных законов братства народов, или отрицание принципов христианской любви, но, в борьбе с людьми — зверями применялись их собственные методы.

Внезапное нападение матросов во фланг партизанской цепи, едва не имевшее роковых последствий для наступающих, несколько ослабило темп наступления. Этим воспользовались большевики, перешедшие в атаку на всем участке, развернув к этому времени свою третью цепь.

«Курочкин ранен!» — передают партизаны тревожную весть. И действительно, на полотне железной дороги заметно сильное движение в скопившейся группе партизан. На некоторое время эта группа приковывает к себе внимание сражающихся врагов. Большевики, учув что-то неладное, переносят огонь всех своих орудий на полотно железной дороги. Наконец, группа партизан двинулась вперед. Курочкин, раненый пулей в плечо, вновь на своем месте, идет, поддерживаемый двумя ординарцами.

«Верх бесстрашия герой,
Курочкин наш удалой» — запевает храбрый Чернецовский пулеметчик Еремеев, сам — Черноморский матрос, в матросской форме, взбрасывая тяжелый колесный пулемет «Максима» на свои широкие плечи, несясь бегом по снежным сугробам вперед!

«Журавель, наш журавель,
Чернецовский журавель» — вторит Еремееву 5-й взвод, подходя из резерва к цепи расположения партизанской цепи...

«Ура-а-а!» — раздается крик по всему полю... Партизаны бросаются, винтовки на-перевес, навстречу подходящим цепям большевиков.

Большевики останавливаются и, залегши в снег, открывают сильнейший пулеметный и винтовочный огонь. Один за одним падают партизаны, как скошенные снопы хлеба. Ранения, причиняемые пулями большевиков ужасны, ибо последние стреляют исключительно разрывными пулями (дум-дум).

Изнеможенные в тяжелом беге по снегу, партизаны захлебываются в своем наступлении, отбиваемом огнем большевиков. Залегши всего в трехстах шагах от последних, партизаны открывают в свою очередь беглый винтовочный огонь.

Вдруг, правее полотна железной дороги, на участке 3-го взвода, вспыхивает громкое «ура!», на мгновение замирает и вновь разрастается. Как львы, бросаются кадеты в штыки...

«Чернецовский черный штык
Колет красных, как шашлык!» — выводит звучным тенором белокрысы «Санька» Туроверов.

«Журавель, наш журавель,
Чернецовский журавель» — звучно вторят все кадеты...

Озадаченные неожиданностью и дерзостью, большевики пытаются оказать сопротивление, но безуспешно.

«Чернецовец, что кадет,
Стойко держит свой завет» — гремит мощный бас кадетского атамана (по выпуску) «Федьки» Ларина, беззаветного храбреца, врывающегося первым в гущу большевиков. «Тах — тах!» — разражается он свой восьмизарядный тяжелый «Кольт». На глазах всех валятся восемь большевиков.

Стремительная атака кадет увенчивается полнейшим успехом и высокий холм, ключ позиции, попадает в руки партизан, — правда, ценою больших потерь!

Сбитые с холма, большевики в беспорядке бросаются назад, расстреливаемые огнем взводного пулемета. Успех кадет действует на остальные взводы партизан, которые поднимаются в полный рост и вновь бросаются в атаку.

Однако, на участке 5-го взвода происходит задержка, ибо партизаны принуждены несколько приостановиться из-за сильного сопротивления Костромских красногвардейцев. Озлобленные упорным сопротивлением Костромичей, партизаны забрасывают последних ручными гранатами, а после, бросившись в штыки, производят настоящее избивание красногвардейцев, отбрасывая главную массу их к вокзальному забору.

«Курочкин ранен!» — несется вновь по цепи. Весть эта, однако, не производит особенного впечатления на стремительно наступающих партизан, охваченных желанием скорее ворваться на станцию. На этот раз Курочкин ранен в голову, но продолжает оставаться в строю, находясь на полотне железной дороги, на виду у всех партизан.

С оглушительным свистом, выпуская огромные клубы дыма, полным ходом идут два большевистских бронепоезда и, врезавшись в партизанскую цепь, открывают

губительный фланговый огонь, нанося партизанам большие потери. Ободрившиеся большевики переходят по всему фронту в контр-атаку. Партизаны, потоптавшись на одном месте, начинают отступать...

Большевистский тяжелый бронепоезд «Черномор» (3 морских скорострельных орудия), идущий по правой колее железнодорожного пути, попадает в пикантное положение! Часть партизан (5-го взвода) не смогла отойти при отступлении, в виду быстрого продвижения бронепоезда, и осталась в занесенной снегом небольшой балке, около самого полотна железной дороги. Партизаны, не замечаемые с бронепоезда, остановившегося непосредственно против них, до поры, до времени, не показывают никаких признаков жизни.

«Черномор» вел обстрел партизанской орудийной платформы, между тем, как большевистская бронелетучка, идя непосредственно заходящей цепью партизан, была исключительно «на картечь».

Неожиданно, выскочив из балки, к бронепоезду бросился один партизан, который подбежав вплотную к нему, схватился за поручни и мигом взобрался на перила тендера. Мелькнула рука в воздухе, раздался страшный взрыв, с грохотом упали на землю развороченные ржавые жалюзи, отскочила в сторону нижняя броневая плита в будке машиниста. Момент... и бронепоезд опоясали каскадом молний, подпрыгивая на рельсах из стороны в сторону от орудийных выстрелов: разрезывая воздух, засвистали пули бешено зарокотавших пулеметов...

Выстрелы из окна машиниста. Получив пулю в затылок, падает герой — партизан Суржин с тендера под откос железнодорожного полотна.

«Ура-а!» — Небольшая группа партизан 8 — 12 чел., скрывавшаяся до сих пор у балки, стремительно выскакивает и бросается на бронепоезд, осыпая его градом пуль с подходящей большевистской бронелетучки. Оказавшись в мертвом пространстве, партизаны, кто стоя, кто лежа, открывают огонь из винтовок в упор по бронепоездам, стреляя бронебойными пулями. Окутываясь клубами черного дыма, оба бронепоезда дают полный ход и несутся обратно к ст. «Заповедная», провожаемые залпами 12 партизан...

Медленным шагом движутся по насыпи четыре партизана, неся на скрещенных винтовках сотника Курочкина, раненого в третий раз, в живот. Вид Курочкина ужасен, мертвенно — бледное лицо с ввалившимися глазами, почерневшими губами, грязные пятна на бинтах от просачивающейся крови из простреленной головы, безнадежно опущенная рука от сквозной раны в плечо, тяжелая рана в живот трясет мелким ознобом изможденное тело. Партизаны — ординарцы несут Курочкина, однако, не назад, а вперед, согласно распоряжению последнего. Будучи трижды ранен, Курочкин ни на одну минуту не покидает строя и, находясь в полубессознательном состоянии, продолжает командовать сотней!...

Огонь большевистской артиллерии достигает наивысшего предела, одновременно бьет двенадцать орудий. Орудийная площадка шт. кап. Шперлинга выбывает из строя, сильно поврежденная снарядами из морских скорострельных орудий бронепоезда большевиков.

С безрассудным риском, рисуясь своим мужеством друг перед другом, в полный рост под страшным огнем, распевая своего знаменитого Чернецовского «журавля», партизаны, увлекаемые своими офицерами, начинают последнюю атаку. Проходит она под знаком отчаяния, вызванного понесенными потерями. Уже в этот момент боя в цепи находится едва — едва девяносто штыков из вышедших в бой 165 партизан.

Натиск, упорство, стремление, партизан достичь намеченной цели, сламывают упорство красногвардейцев первой цепи, которые бегут, поражаемые выстрелами со стороны партизан.

Мелькает в воздухе палка с белым флагом и к партизанской цепи приближается со стороны большевиков

какая-то фигура... Подошедший парламентар, белобрый латыш, без фуражки на голове, с двумя «наганями» на боку, с пулеметными лентами на груди, определив офицера в стоящем впереди цепи партизан, подходит к нему. Обратившись к офицеру на ломаном русском языке, латыш просит разрешения прекратить на некоторое время обстрел, дабы большевики могли вынести своих раненых. Не ответив ни слова, хорунжий Соколов жестом руки приказал латышу повернуться и уходить обратно. Два сухих отрывистых выстрела и латыш повалился в снег.

«Ура-а-а!»... Цепь партизан снова поднялась и бросилась к перевалу, выскочив на который, остановилась в оцепенении: прямо перед ними, сгрудившись в толпы, находились три цепи красногвардейцев, встретивших появление партизан сильной беспорядочной стрельбой... Минута раздумья и... вперед выносятся огромный роста белокурый партизан, с лихо заломленной папашой на голове, с винтовкой на перевес, запеая:

«В штыковом бою артист

Чернецовец — гимназист»...

Очнувшись партизаны бросаются в штыки. Обалдевшие большевики бросают винтовки, частью бегут, частью начинают сдаваться в плен...

Участь тяжелого боя, длившегося девять часов, казалось, решалась в пользу Чернецовских партизан. Но, на правом фланге появилась большевистская кавалерия, создавая угрозу обхода. Вместе с этим подошедшие свежие резервы, влившиеся в ряды отступавших красногвардейцев, повернули их вновь лицом к партизанам.

Однако, главная угроза создалась в тылу, где по Александровск — Грушевскому шляху двигалась большая колонна пехоты, которая, в свою очередь, выбросила далеко вперед стрелковую цепь с бронеавтомобилем. Разведка партизан (в количестве пяти человек), подойдя к цепи, была встречена окликом:

«Стой, кто такие!» — «Мы — Чернецовцы!» — крикнули партизаны. «А мы — Черноморцы!» — заорали в цепи... Грянул залп и два партизана упали убитыми!

Отстреливаясь на ходу, остатки 1-й сотни Чернецовских партизан, цепляясь в буквальном смысле слова за каждую пядь земли, начали медленный отход к своему эшелону... Артиллерия большевиков, развившая предельный огонь, накрывала шрапнельными залпами отходящих. Пять цепей большевиков, обойдя партизан с обоих флангов, прижимали их к полотну железной дороги, поддерживаемые огнем своих бронепоездов, вырвавшихся вперед!

Наиболее тяжелое положение для партизан создавалось, однако, на подходах к их эшелону, стоявшему под парами. Большевики, наэлектризованные своей победой, увеличивали темп наступления и уже буквально наседали на партизан, находясь в какой — нибудь сотне шагов от них! Неожиданно, из вагонов эшелона был открыт сильный винтовочный огонь, нанесящий чувствительные потери большевикам. Стреляли раненые партизаны, стреляли чины медицинского персонала, стреляла паровозная прислуга.

Подошедшие партизаны погрузились в эшелон, исключительно благодаря этому неожиданному заградительному огню. Дав полный ход вперед, Чернецовский эшелон двинулся к ст. Звереву, провожаемый артиллерийским огнем большевистских бронепоездов!...

Отмечая 18-ую годовщину трагической гибели знаменитого Донского партизана полковника **В. М. Чернецова**, вспоминая, как в тяжелые, страдные дни бытия Дона десятки казачьих подростков и юношей — знаменитые Чернецовские партизаны — геройским образом дрались против многих тысяч русских большевиков, защищая грани Донской Земли от вторжения пришельцев с Севера.

В ИСПАНИИ

В Испании начались ожесточенные бои. Инициатива их принадлежит националистам, взявшим город Малагу — важный пункт и порт на Средиземном море. — Бой за Мадрид продолжается с явным перевесом в пользу националистов. — В их руках находится уже две трети Испании.

Б. ЛУБЕНСКИЙ.

Андрэ Жид о СССР.

(«РАЗОЧАРОВАНИЕ» КОМУНИСТИЧЕСКОГО СНОБА).

Известный французский писатель (левого лагеря), Андрэ Жид летом 1936 г. побывал в царстве Сталина и, возвратившись оттуда, написал книгу, о которой ныне пишут почти все французские газеты*). Еще больше внимания ей уделяют русские эмигрантские круги: по поводу этой книги читаются рефераты, пишутся статьи; в органе А. Ф. Керенского «Новая Россия» в одном только номере на нее откликнулось сразу четыре автора.

Такой повышенный интерес вызывает не только сама по себе книга, безусловно интересная, но и личность ее автора. Воспитанный на старой латинской культуре, «ищущий правды» Андрэ Жид к явлениям жизни подходит все же реалистически, видит и воспринимает жизнь такой, какою она есть в действительности. Человек большого воображения, он может увлекаться, заблуждаться, создавать себе иллюзии. Но, соприкасаясь с житейскими фактами, он не закрывает намеренно глаз, не хочет предавать правды жизни. Он хочет говорить правду, хотя бы она подтачивала, разбивала его иллюзии, разрушала его воздушные замки. Он не политик, не экономист, не социолог. Он писатель — художник, наблюдатель, психолог.

Андрэ Жид быстро проехал по СССР от Петербурга, через Москву, Харьков, Киев, Одессу, Крым, Владикавказ, Сочи, Сухум, Батум, Тифлис; побывал в Гори (ведь там родился Сталин!); посетил Боржом, Бакурияны и иные города. Ни русского, ни иных языков, на которых говорят в СССР, он не знает. Его и пятерых его компаньонов — французских литераторов — сопровождала переводчица, «ангел — хранитель», «верный товарищ Бола», как пишет А. Жид. Очевидно, главным образом глазами этой самой Боли и смотрел А. Жид на советскую жизнь.

И все же, несмотря на незнание языка и вопреки «верному товарищу Боле», А. Жид многое успел увидеть или, вернее сказать, не мог не почувствовать смердящей советской атмосферы. А это уже очень много для человека, который в предисловии к своей книге пишет, что он «три года тому назад декламировал свое удивление и свою любовь к СССР. Там был испробован беспримерный опыт, наполнявший наши сердца надеждой; отсюда мы ждали необыкновенного прогресса, порыва, способного увлечь все человечество». Еще в Москве, в речи, произнесенной по случаю похорон Максима Горького, Андрэ Жид говорил: «Судьба культуры связана в нашем представлении с судьбою СССР»...

А в своей книге он уже пишет: «Если я раньше ошибался, лучше признать возможно скорее свою ошибку», так как есть вещи, по словам А. Жид, более важные, нежели его, Жид, самолюбие, нежели он сам, нежели СССР: это человечество, его судьбы, его культура.

А. Жиду страшно не хочется разочаровываться в коммунизме. «Сама мысль о банкротстве, — восклицает он, — недопустима». Его не покидает надежда, что, с одной стороны, СССР в конце концов исправит свои «тяжелые ошибки», а с другой — и это важнее — отдельные ошибки одной страны не могут дискредитировать «правды интернационального, всемирного дела», каким в воображении А. Жид продолжает оставаться коммунизм; он в него хочет еще верить.

Таким образом, видим, что в советском коммунизме разочаровывается баян, певец идейного коммунизма.

И странное дело: пока А. Жид был там, в СССР, он, по собственному признанию, «много раз плакал от избытка любви», а приехал домой, в буржуазную обстановку, и слезы высохли. Очевидно, сравнение «коммунистического рая» с «буржуазным адом» было не в пользу рая.

Кстати сказать, в советских газетах, которые, не стесняясь в выражениях, поносят А. Жид после выхода его

книги, как раз и отмечается эта его необычайная чувствительность, — больше всего большевиков злят его слезы. Умерший в конце декабря пр. года слепой советский писатель Н. Островский не мог удержаться, чтобы незадолго перед своей смертью не написать в письме к своей матери: «Ты наверное читала о предательстве Андрэ Жид. Как он обманул наши сердца тогда! Кто бы мог подумать, мама, что он сделает так подло и нечестно. Пусть будет этому старому человеку стыдно за свой поступок! Он обманул не только нас, но и весь наш могучий народ. Я тяжело пережил это предательство, потому, что искренно поверил в его слова, слезы...» *).

Конечно, со стороны А. Жид никакого предательства не было. Несколько прозревши, он имел смелость посмотреть советской действительности в глаза и не захотел лгать.

Описывая свое пребывание в СССР и тамошние встречи, А. Жид оговаривается, что его занимали единственно вопросы психологические; если же он касается иногда социальных вопросов, то делает это тоже с точки зрения психологической. Для него, — говорит он, «важен человек, люди, то, что из них можно сделать и что из них сделали».

Он находит, что люди в СССР чудесны.

Что же это за люди? А это, видите-ли, «народ Грузии, Кахетии, Абхазии, Украины, Ленинграда и Крыма». В этом списке отсутствуют казаки. Их А. Жид, очевидно, не показывали, хотя он и проезжал через казачьи земли. Интересно отметить, что говоря несколько раз собственно о русских (москвичах), он для них не находит таких ярких слов, как для «инородцев»; наоборот, тут у него замечается холодок и даже некоторое чувство презрения.

В Москве на Красной площади А. Жид присутствовал на празднике спортивной молодежи. В продолжении нескольких часов парадировала, — говорит он, — «чуждая молодежь, собранная с севера и с юга, с востока и запада. Я не представлял себе зрелища столь великолепного... Как не удивляться стране и режиму, способным их (такую молодежь) произвести?».

С своей стороны мы не удивляемся тому, что страны, покоренные Москвой, дают замечательную молодежь. Наоборот, мы удивляемся, что советский режим не привел к окончательной дегенерации, вырождению всей молодежи, как это случилось при нем с сотнями тысяч, вернее — с миллионами беспризорных. А если бы А. Жид захотел увидеть зрелище более величественное, чем парад на Красной площади, ему следовало бы посетить Германию или Италию: там и парады и молодежи более замечательны...

А за несколько дней до этого парада, во время похорон М. Горького, Андрэ Жид видел там же, в Москве, другую, не столь радостную картину. Перед его глазами часами проходили нескончаемой вереницей женщины, дети, иногда старики, почти все плохо одетые, казавшиеся (?) очень несчастными. Он видел пред собой «большое число бедных людей».

В другом месте своей книги А. Жид говорит, что в СССР нет больше классов, но за то есть бедные: «их очень много, слишком много. Я надеялся, — с грустью признается он, — что совсем их не увижу, или точнее сказать: я и поехал в СССР, чтобы больше не видеть бедных»...

Какая беспросветная неосведомленность или вернее — ослепленность: ехать в страну нищеты, голода, в страну, где население вот уже 20 лет беспощадно и систематически грабится, и думать, что там нет больше бедных!...

Интересно описывает А. Жид московскую толпу. Летом почти все одеты в белое. Каждый похож на всех

*) André Gide. «Retour de l'U.R.S.S.» («Возвращение из СССР»).

*) См. газету «Молот», Ростов н-Д. За 24 декабря 1936 г., ном. 4671.

остальных. Нигде так не ощущается результат социального «поравнения», как на улицах Москвы: бесклассовое общество, каждый член которого, кажется, имеет одинаковые со всеми другими потребности. «Удивительное однообразие царит в одежде; без сомнения, такое же однообразие существует и в мозгах, если бы их можно было видеть. Именно это и позволяет быть и казаться жизнерадостным».

А поясняет этот свой более чем неожиданный вывод А. Жид тем, что, мол, в СССР так долго ощущался недостаток во всем, что теперь люди там довольствуются малым: «Когда мой сосед не имеет больше чем я, то и я доволен тем, что имею».

Не правда — ли, странная на этот раз логика у А. Жиды? Мой сосед, скажем, каждый день не доедает, я — тоже; это делает нас обоих жизнерадостными и довольными своей судьбой?!

Впрочем, в дальнейшем изложении сам А. Жид опровергает свое утверждение о равенности потребностей и средств у советских граждан, а значит и об отсутствии причин к недовольству.

Как идейного коммуниста (или пока упорствующего в коммунизме!), Жид пугает образование новой категории буржуазии. «Уже теперь, — говорит он, — замечается выделение общественных слоев, если не классов, сорт аристократии...», которая в следующей генерации сделается денежной аристократией». Он критикует нынешних правителей СССР за то, что они одобряют и благоприятствуют «обуржуазнению», хотя он допускает возможность быстрой перемены во взглядах «вождя» и крутой расправы с новой буржуазией, как это было сделано при ликвидации НЭП-а.

А. Жид оскорбляло презрение или по меньшей мере безучастность, проявляемые выше стоящими на социальной советской лестнице по отношению к «низшим»: прислуге, чернорабочим, поденщикам и поденщицам, вообще — к бедным. «Какое низкопоклонство, какая рабская услужливость у домашней прислуги... у тех, кто имеет дело с правящими, с ответственными работниками... Естественно, здесь уже нет речи об отношениях между равными; по отношению к этим «низшим» полностью действует комплекс превосходства».

Следует, впрочем, сказать, что и у самого А. Жиды, очевидно, помимо его желания, проскальзывает это же чувство, этот «комплекс» превосходства, когда он говорит о московской советской толпе. С одной стороны, он плачет от радости и умиления при виде этой толпы, осуществляющей, как ему кажется, дорогой его сердцу коммунистический идеал, а с другой, как человек, пресыщенный благами старой западно — европейской культуры, он испытывает чувство брезгливости, пожалуй, даже презрения к толпе, плохо, бедно, однообразно одетой, однообразно, по указке из Кремля, думающей, по сути невежественной и в то же время самодовольной, зараженной бесконечным самохвалством. Конечно, он не выражает этого собственными словами, но это читается у него между строк.

Вот как, например, он описывает «хвост», растянувшийся перед закрытым еще московским магазином, где была получена партия какого — то товара (кажется — подушек, — говорит он). В очереди стоит 200 — 300 душ. Они ждут часами, спокойно, терпеливо. Спустя несколько часов, А. Жид проникает в этот магазин. Огромное помещение. Внутри невероятная толкотня. У публики ни малейшего знака нетерпения. Если будет нужно, покупатели проведут тут целое утро, целый день. Безропотно, покорно они этому подчиняются. «Но русский человек, — говорит А. Жид, — больше чем покорный: он,

кажется, получает удовольствие в том, чтобы ждать, и с удовольствием же заставляет, чтобы и вы его ждали».

Товары в магазине, в том числе и «естественные продукты, просто отвратительны. А. Жид поражает невероятное количество дынь, впрочем — безвкусных (от себя добавим: дыни в Московии не растут; очевидно, их еще надзелены собрали, как дань, своего рода «ясак» с Астрахани, Дона, Кубани, Украины и др. «колоний»).

Плохое качество товаров А. Жид объясняет тем, что в СССР до сих пор идет погоня за количеством продукции в ущерб качеству. «А впрочем, — добавляет он, — народы СССР, кажется, увлекаются всякими предложенными им новинками, даже теми, какие в наших глазах, в глазах европейцев, кажутся отвратительными»...

Так европеец А. Жид противопоставляет вкусы европейцев вкусам азиатов.

Другую причину скверного качества товаров А. Жид усматривает в том, что в СССР государство является одновременно производителем, покупателем и продавцом и потому, не имея конкурентов, оно не заботится о том, чтобы угодить вкусам публики (по Чехову: «Лопай, что дают!»). По мнению А. Жиды, забота о качестве несомненно явится с прогрессом культуры, когда у потребляющей публики разовьется вкус.

«Во Франции, — думает А. Жид, — все пошло бы скорее (в случае воцарения коммунизма, Б. Л.), т. к. тут уже существует требовательность». На это А. Жиду можно было бы сказать, во-первых, что в бывшей России до революции вырабатывались совсем не плохие фабрики и у публики существовали вкус и требовательность, а что касается «естественных продуктов», то наши края в особенности славятся ими на целый свет; и во-вторых, что, если Франция, к ее несчастью, заболит страшной болезнью коммунизма, то и она потеряет вкус и требовательность и будет довольствоваться всякой гадостью, чтобы кое — как быть сытой и одетой.

Возвращаясь снова к «народу Москвы» А. Жид говорит, что его больше всего поразила необыкновенная беспечность этого народа. Он думает, что стахановщина была чудесным изобретением, чтобы встряхнуть эту беспечность, безразличность. Он не хочет назвать эту свойство ленью. Некогда для такой встряски, — вспоминает А. Жид, — существовал кнут. Стахановщина (коммунистический кнут!) была бы бесполезной в стране, где все рабочие работают. Но здесь, как только их оставляют без надзора, они в большинстве случаев перестают работать.

Впрочем, сейчас же А. Жид сам разбивает легенду о чудодейственной силе стахановщины. На одном заводе А. Жиду представили некоего стахановца, который, как ему сказали, успел за 5 часов выполнить работу 8 дней. А. Жид довольно ядовито спросил, не произошло ли это от того, что сначала этот стахановец действительно работу 5 часов растягивал на 8 дней? Вопрос этот не понравился и на него А. Жид ответа не получил.

В другой раз А. Жиду рассказывали, что группа французских шахтеров, обезжая СССР и посетив шахты, попросила разрешения поработать смену за советских товарищей. И вот оказалось, что без всякого напряжения и даже не подозревая о том, французы сразу же попали в категорию стахановцев — «героев труда». Очевидно, не особенно высокой является продуктивность труда советского рабочего!

Таким рисуется А. Жиду победитель казаков, украинцев, грузин и др. народов — русский человек вообще и в частности русский рабочий.

(Окончание следует).

К СВЕДЕНИЮ УКРАИНЦЕВ

В парижском украинском журнале «Тризуб», в номере от 31 января с. г. в отчете «Свято державности в Парижі», напечатано, что

«Серед чужинецьких гостей на молебні була присутня... делегація «Вільних Козаків» на чолі з п. Алімовим та п. Шамба Балиновим».

Настоящим заявляем, что ВК не уполномочивало ни г. Алимova, ни г. Балинова на представительство ВК движения где бы то ни было.

Нам понятно, конечно, некоторое желание г. г. Алимova и Балинова «представительствовать» то, что представлять они в действительности не могут (между прочим: г. Алимov в рядах ВК национально — освободительного движения никогда не был).

Нам понятен и смысл такого именно отчета в «Тризубе». Но...

Печатаем это исключительно для того, чтобы введенные в заблуждение вышеприведенной информацией украинцы знали правду.

С. В. КИНПЕР.

„Россия в конце XX века“ или мы, казаки, в России

(МЫСЛИ ВСЛУХ).

В этом об'емистом (984 страницы текста с картами и диаграммами на отдельных листах) и очень богатом по содержанию томе, изданном в России в 1900 году под общед редакцией В. И. Ковалевского, можно прочесть «кое что» и о нас, казаках, но это «кое что» заслуживает такого внимания, чтобы все казаки, а казаки националисты в особенности, ознакомились и знали мысли **А. Путилова**, напечатанные в его статье «Государственное устройство», помещенной на страницах 96 и 97, тем более, что книга эта издана в России в свое время для определенного круга читателей и специалистов и казакам была совершенно неизвестной. В этой краткой и скастой по содержанию статье автор сказал о казаках все, что хотел и мог сказать о нашем прошлом и настоящем в те годы, когда все мы жили у себя дома, в родных краях, и никто из нас не думал, не гадал о тех временах, когда казаки еще раз уйдут в эмиграцию...

Я прошу всех казаков внимательно ознакомиться с мыслями Путилова и подумать над той жизнью, коей жили наши отцы, деды, прадеды и предки наши в близком и далеком прошлом. Казачество в России играло неблагодарную роль защитника и устроителя великой Российской империи. Жертвы Казачества, принесенные им на алтарь родины — России, не поддаются учету. События 1917—20 годов ослабили Казачество там. Но теперь, вдруг Сталин и К-о как будто переменяли свое отношение к Казачеству и казачьему вопросу. Они соизволили ими заинтересоваться, они соизволили «великодушно и гениально» разрешить казакам носить на Дону лампасы, а на Кубани и Тереке черкески, петь старые казачьи песни, хотя и знают, что у казаков есть такие историко-бытовые песни, которые казаки при всех тамошних «свободах» поют только «без свидетелей». Они разрешили за казаками ухаживать, казаков чествовать и подкупать их вниманием и всячески их поощрять. Они пытаются большевистскими темпами создать Казачество, но Казачество новое, колхозное, — по своим меркам и выкройкам моды их сегодняшнего дня. Они создают Казачество без Кругов и Рад, без выборных Войсковых Атаманов, ежечасно и ежедневно внушая молодому казачьему поколению чувства ненависти и неприязни к исконному выборному началу у казаков у себя дома, в пределах своего казачьего края.

Создавая новое «колхозное казачество» и именую его Донским, Кубанским, Терским, Уральским, Оренбургским и т. д., Сталин и большевистские главковерхи забыли, а вернее — не желают восстанавливать права и особенности казачьи в их краевых или войсковых границах. Почему?

Такое Казачество им, большевикам, не нужно. Девятнадцать лет большевики всеми доступными им мерами уничтожали былую мощь Казачества. Казаков истребляли и в застенках чека, и в ссылках, и на воле; в станицах и хуторах холодом, голодом, тюрьмой и пытками. Девятнадцать лет пытались с корнем уничтожить самое имя казака, убеждая всех, что казак является пережитком старины полудикой, пережитком времен татарского ига. Девятнадцать долгих лет Казачество душили и уничтожали, но... на двадцатом году кое что изменилось. Сам Сталин и его помощники загалдели и застрочили перьями о новом «колхозном казачестве», казачестве на тех же — Дону, Тереке, Кубани, Урале и т. д.

Почему же не создают они «всероссийского колхозного казачества»? Почему они не оказывают все большевистские колхозы «во всю государственную ширь»? Почему они все внимание сосредоточили лишь на обломках и остатках былого могущества Казачества? Что случилось в Советском Союзе? Какие подвиги проявили оставшиеся казаки, что большевики сочли нужным воссоздать казачьи войска без войсковых территорий, без войсковых выборных Кругов, Рад, Атаманов, без старых войсковых единиц?

Существует истина: «история повторяется». Если это действительно так, то в событиях прошлого можно

найти объяснение всему происходящему и в наши дни. В 1775 году Екатерина II уничтожила Сечь Запорожскую, но она же воссоздала и «Войско верное Черноморское». Как у Екатерины, так и у Сталина имеются одни и те же причины и побуждения, с которыми ни та, ни этот не могли сами бороться и осилить. Эти причины и побуждения ярко выражены у Путилова в его статье «Государственное устройство», которые должны знать и помнить казаки всех политических направлений и уклонов, а казаки националисты в особенности.

Вот свидетельство Путилова:

«Россия в конце XIX века», «Государственное устройство», стр. 96 и 97:

... «Говоря об общественном строе России, о тех «состояниях» (классах), на которые подразделяется ее коренное население, нельзя не упомянуть еще об одной совершенно особой его группе — **казаках**. История Казачества тесно связана с историей **собиранья земли русской, и историей освобождения ее от татарского ига** (1). Чтобы защитить земледельческое население степей от хищных соседей, воровавших скот и уводивших в рабство людей, московские цари и польские короли строили укрепления, воздвигали палисады, рыли окопы и содержали правильный военный кордон. Полки, составлявшие кордоны, назывались казаками, но **это не те казаки, которые воспеты и в сказках и песнях народных. Настоящие вольные казаки жили за кордоном казаков регулярных**; в ряды их поступали все те, кому тесно становилось в государстве, кто искал привольной жизни и набегов. (Официальная версия происхождения Казачества, одобренная и допущенная министерством просвещения в учебных заведениях российской империи, требовавшая «революции» в исторической науке. С. В. К.).

На каждой из рек, текущих на Юг — Днепре, Доне, Волге, Урале, основались самостоятельные военные общины этой вольницы, и никто, ни христианин, ни татарин, — не смел переходить на их территорию без их позволения. Казаки считали себя подданными России и Польши, но в действительности подвластность их **была призрачной**. С своей стороны, цари Московские и короли Польские считали их удобным орудием в борьбе с хищными набегами татар и турок. В грамотах своих они называли казаков верными и подданными, и казаки для борьбы с татарами нередко получали из Москвы оружие, припасы и амуницию, и их ратью покорена была в подданство царю Московскому богатая, необъятная Сибирь.

Когда государственная власть достаточно окрепла, она стала постепенно подчинять себе вольное казачество, начала приводить его к законному порядку. Последний удар былой казачьей свободе нанесен был в царствование императрицы Екатерины II, когда разрушено было средоточие самых буйных, самых непокорных — Днепровских казаков, Сечь Запорожская. Но, уничтожая казачью вольность, правительство старалось воспользоваться в своих военных целях военной их организацией; оно отдало им обширные земли, предоставило значительные льготы в податях и повинностях и за то обязало военную службу, образовало из них иррегулярное войско. Позднее, для защиты своих восточных окраин от полудиких народностей, правительство само вызвало казаков на Амур, Уссури, в Семиреченскую область и другие местности, наделяло их землями и образовывало таким образом новые войсковые части.

В настоящее время казаки составляют одно из состояний Российской империи, обладающее особыми правами и преимуществами и имеющие военную организацию. В сословном отношении казаки разделяются на дворян и простых казаков. Последние до некоторой степени соответствуют сословию сельских обывателей и имеют свое сословное самоуправление, построенное на тех же началах, как и самоуправление крестьянское...

А. Путилов».

1) Подчеркнуто везде мною. С. В. К.

Н. ЛАПКИН.

К годовщине смерти И. М. Назарова

*Все не решенные жизнью вопросы
Вмиг разрешил пистолет...*

И. К. Скубани (Ив. Коваленко).

Ночь. Пишу, а окном вьюга... Год тому назад умер лучший певец Казачьей Воли — Назаров. Умер, как и его брат. Не согнула их жизнь. Как дубы, они вырваны с корнем ее невзгодами. Бунтарь-поэт ушел сам. В течение нескольких лет, могучим голосом, красотою мятежной души, звучно лирою — своими песнями он звал казаков в Казачий Стан.

Часто появлялась у него мысль о смерти: «Уж кружится черный ворон надо мною»... Как вольнолюбивый Орел, он умер, не понеся невзгод клетки чужбины.

Молился при жизни он Богу не за себя, а «за свой народ любимый», «не в тишине молитв» желал он ему Воскресения, а «в буре битв», и... «дерзновенно, не спрося Бога, и обagrив кинжал»...

Он ушел от нас. Почему? Многогранна жизнь. Одно только можно сказать: умер поэт-казак, в жилах которого текла кровь вольнолюбивой души, до самозабвения любящей свой народ...

...С черного купола неба падает белая вата. Падает и заносит балканское село потомков Аспаруха — болгарского хана. Приютилось село в пазухе могучих гор, жмет к мощной груди одного из великанов, а другие, поменьше, — стоят, как часовые. Притаилась река «Луда Каличия» (бешеная Каличия), слушая ветер, а он поет дикую песню могучей природы. Спать праправнуки хана. Бездомные волки шляются вокруг села... Лают собаки, воют, сопровождая ветру...

Рыщут голодные волки... Утром много овец не досчитают трудолюбивые хозяева, но, расставив над селом капканы, спят спокойно. Незатейливая жизнь, но полная смысла и труда... Времена янычар прошли... Все спит.

Только по сиденкам — жизнь. Там молодые «юнацы», света черными глазами и слушая песни любимых за Ботева, Левского, Бенковского, Боримечку и за самоотверженных «хайдотов», желая подражать им в жизни, невольно сжимают рукоятки своих ножей и пистолетов, скрытых в поясах...

А собаки воют, рыщут волки, ревет ветер, падают хлопья снега и заносит балканское селцо. Спать потомки Аспаруха — свободны они: муки угнетения и страдания неволи позади их...

А там, далеко, далеко, спит, покрытая белым саваном, Степь... Спать, скованные льдом, реки. Может быть, и там воет ветер? Нет, он не воет там, а плачет. Не спать спокойно там люди. Души умерших, замученных, не дают им спать. Ждут одни, ждут и другие. Одни ждут очищения через страдания, а другие ждут возмездия по делам. Может быть, и поют там казачата в одиночку песни за родных и бессмертных великанов, может быть, и сжимают оружие, но — со скрежетом зубным. Вокруг же них, как часовые, но не горы-великаны, а могилы родных и близких... А в куренях казачьих — чужие пришельцы...

Не спит там спокойно люд — там жизнь без жизни... Там нет свободы. Там муки неволи и страдания с ними... А годы чередуются один за другим. Перебрасывает их время, как монах четки: идут годы и берут свое...

Передо мною книга Евг. Волкова: Хр. Ботев. Картина за картиною рисуется подготовка борьбы болгарских хожов (борцов) за свободу родины. Недоразумения, расхождения меж Л. Каравеловым и Ботевым, компромиссы и самоотверженная любовь к родному...

Мысли скачут и пляшут... Гудит ветер...

Останавливаю взгляд на календаре 1937 года. Кубрат (болг. «грозный» хан) так похож на старика — старовера... Только нет на нем синих штанов с полинялыми лампасами, да папахы с выцветшим красным верхом... А вокруг него — пять сыновей, здоровых и сильных, с орлиными носами, с запорожскими чубами, со стальными мускулами и волевыми взглядами... Просит

их отец разломать пучек суровых палок. Не могут преодолеть стальные мускулы нескольких палок, взятых вместе... История-же повествует, что разломал их отец одну за другою, когда разделил пучек... Советует Кубрат жить своим сыновьям вместе, не делясь один от другого, ибо постигнет их несчастье по одному... А в свободной Болгарии в Народном собрании девиз: — В единении сила! — Простая логика, но понятная и сильная. Нет в ней «нюансов» — «глубокой философии», «демократической диктатуры», «диктаторской демократии», а все просто и ясно: все за одного, один за всех. Нет «скромных» вещей, все постные, как молитва Ефрема Сирина: «Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми; дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему»...

Бросаю Ботева, беру журналы «ВК» и «Казакция»... Перелистываю страницы. Все прочтено и — неоднократно. Останавливаюсь на Н. Келине. По ассоциации вспоминаю вечер, комнату, полную книг, К. Сухова, Ш. Кистерского, Р. Акулову, Н. Самохину, Т. Маркову... И думаю мне: не ошибаюсь ли я? Это тот Коля Келин?.. Ну, да это в прошлом.

Пересматриваю журналы, сравниваю. Беру также и несколько болгарских журналов: «Млада Б'лгария», «Б'лгарский воин», — до последней страницы все то же: верую и исповедую! Однако, у нас не то...

В наших «откликах» на последних страницах, обвиняя друг друга, мы роем такие ямы меж собою, через которые в будущем нам будет даже стыдно и шатасть. Но не в этом дело. Памятью пословицу, что «свой своему поневоле брат», как-то успокаивается человек... Дело в другом.

Я имею много и очень близких приятелей между болгарами. Люди они интеллигентные. Есть даже общественники, а так как в течение нескольких лет (из любви к искусству!) я режиссировал любительскими труппами болгарских артистов, то, естественно, многие читают или просят меня переводить наши журналы.

При переводе, когда дело доходит до последних страниц, мне приходится поневоле смущаться; гордясь научными и публицистическими отделами, после призывов к единению, я заведомо знаю, что начнется серия скандалов...

Без полемики нельзя, она неизбежна, но скандалов, по-моему, избежать можно.

Память моя зафиксировала выражение одного общественного деятеля, а именно: «Заради неколко б'лхи, юргана не се изгаря»... А это значит: «Ради нескольких блох одеяло не сжигается».

«Одеяло» же для нас очень дорогое: кровью, загубленными жизнями, отсутствием личной жизни, безмерными страданиями, безрадостными летами на чужбине, компромиссами лютот душевной муки, жизнью без жизни, жизнью без смысла мы платили за наше «одеяло». И теперь, когда нам указали смысл жизни люди, которые, может быть, и «нетерпимы в соприкосновении с ними», — мне кажется, мы должны протянуть руку один другому, и с сметлым взором, с чисто душою, с готовностью умереть за родной идеал, оставить наши «расхождения», памятуя, что в единении сила, а исторический момент слишком серьезен... С открытым забралом, воскрешая легендарные были Казачьего Народа, будем идти смелым шагом к созданию грандиозного и величественного здания: Казакии!

Когда-то ген. П. Х. Попов создал «Союз ВК Степняков»... Теперь же история требует создания Казакии!

Время нам прекратить «диспуты», а став на колени и мысленно представив перед собою икону Покрова Пресвятыя Богородицы, воскликнуть: «О, всепетая Мати, родшая всех святых! Святейшее слово нынешнее

приемши приношение, от всякия избави напастей Всех, и будущия измий муки к Тебе вопиящих!»...

Почитая же память ушедших от нас, считая заветы их святынею, мы должны считать их нашими путеводными звездами. В данном случае говорю о светлой памяти И. М. Назарова. Имя его должно спать всех нас, а этим самым мы докажем свою любовь к Казачеству и к своим мертвым и вечно живым певцам Казачьей Воли...

Е. БАСАКИН.

К казакам, стоящим на распутьи *)

Горько в душе и больно в сердце становится при мысли о будущем Казачества. Не потому, что Казачество «расказачили» и не без успеха. Не потому, что Казачество попало в кабалу к красным и не имело до сих пор возможности из нее освободиться. И не потому, что часть Казачества, будучи духовно закабалена русскими, но уже «белыми» и казачьими «аспидами», под давлением русских красных, эмигрировала за границу, оставив на произвол красного демона родные края, но, и главным образом, потому, что часть казачьей эмиграции до сих пор еще не пришла в себя, не опомнилась.

Я не имею, конечно, в виду ту часть казаков, которая, под покровительством русского правительства, вкусив не малую долю благ в прошлом, спокойно ждет «скорого» повторения недавно пройденного. Я не имею также в виду и тех из казаков, которые мечтают отвратить меня той же русской кухни, только, в отличие от первых, под другими соусами. Эта «патриотически» настроенная, с русской точки зрения, группа казаков для Казачества, как такового, представляет собой только казачью оболочку, — с абсолютной духовной и моральной пустотой.

Имею в виду, главным образом, ту часть из еще не познавших самих себя казаков, которые, пребывая еще в «тернях» недавнего прошлого, не решаются выпутаться, освободиться от них, боясь — как бы не уколется. Говорю о тех казаках, в сердцах которых теплится еще искра казачьего духа, хотя у многих основательно уже засыпанная русским «пеплом» прошлого.

Да!.. Горько и больно при мысли, что вот эта самая часть казаков, может быть и бессознательно, вместо того, чтобы раздуть в своей душе из той «искры» целое пламя казачьего и только казачьего духа (ведь в огне, в пламени — сгорает все!), продолжает равнодушно относиться к угасанию духа казачьего.

Есть казаки, восклицающие: «Эх, вы самостийники!»... — Эти, вероятно, думают (по неведению, конечно), что самостийники заботятся не о благе Казачества.

Есть и такие, которые спрашивают: «А кто вами командует?... За кем вы идете?»... — Эти, по всей вероятности, считают, что самостийники заинтересованы переливанием из пустого в порожнее. Забывают эти казаки, что Казачество уже позволяло командовать собой и шло уже по указу других... И... дошло, вместе с «вождями» и «указателями», до разбитого корыта.

Казаки!.. Мы, самостийники, обреченные самих себя, напоминаем вам, напоминаем потому, что не считаем себя вправе потребовать, ибо мы не диктаторы, не вправе просить, ибо мы преследуем не личные интересы, а интересы всего Казачества. Мы, если хотите, **вызываем ко всем казакам** принять прямое или косвенное, материальное или моральное, физическое или духовное участие в **воскресении казачьей истории, в восстановлении казачьего духа, а, следовательно, и в восстановлении самого Казачества.** Казаки должны быть сами творцами своего счастья.

Никакой «вождь», не считающийся с чаяниями своего народа, не сможет сделать то, что необходимо для него. И если из народа выделяется вождь, а не «вождь» (у сословий вождей не было и не может быть), то не для того, чтобы только «командовать», но, главным

...А ветер воеет и бросает хлопья ваты на землю. Рыщут волки около уснувшего села... Плачут души замученных там, далеко в родной Степи, но... притаилась Степь...

А весной, дай Боже, чтобы вздохнула она полной грудью чернозема, заплакала бы дождем радости и... приняла бы в свои объятия сынов Славной Воли.

Слава Казачеству!

образом, для того, чтобы вести свой народ туда и так, куда и как стремится сам народ.

Слышатся и такие возгласы: «Да куда нам!... Это же невозможно... у нас ничего нет!»... — Так говорят казаки, привыкшие к потемкам политического обмана, и, в проблесках правды, увидевшие казачий путь. Но видя, что этот путь достаточно труден, будучи основательно деморализованы бывшими «вождями» не их народа, пугаются его.

Да!.. путь этот нелегок... Но, братцы!.. было ли легко, когда создавалось, существовало и стремилось сохранить себя Казачество, как таковое? Не рекой ли лилась для этого кровь казачья?! Не думается, чтобы делалось это из озорства. Слава казачья гремела именно тогда, когда Казачество стремилось преодолеть все препятствия, стоявшие на пути к самосохранению и развитию.

Каждый человек в отдельности стремится устроить свою жизнь как можно лучше. Рыба, и та стремится устроиться поудобнее, поглубже. И желание это — естественное требование законов природы, ибо главная причина такого стремления — достичь безопасности и положения наименьшей зависимости от кого бы то ни было.

Еще не значит, что Казачество, как таковое, уже обречено на несуществование только потому, что у него нет в драчный момент пик и шашек, а также коней — в свое время необходимых, роль которых, можно с уверенностью сказать, в настоящее время уже не та, что была раньше. Но у Казачества имелись (это видно из его истории) и еще не исчерпались более важные данные: это — любовь к порядку, государственности и свободе. Это именно те свойства, которые ему особенно необходимы для его возрождения и существования. Казачьи сметка, сноровка и храбрость необходимы не только в борьбе физической, но, и не в меньшей мере, — в политической. Если казаки будут так же искусны и мужественны в политике теперь, как были искусны они во владении пикой или шашкой в прошлом, — Казачество никогда не умрет... Если казаки с таким же умением (а для этого у него имеются все данные) будут радет о благополучии своих Казачьих Краев, как они радели о своих конях и их снаряжении, существование Казачества будет обезпечено.

Прошло время слепой веры в разного рода и толка «вождей», которые, как попугаи, повторяли, а некоторые повторяют еще и сейчас: «Терпите... обождите... не занимайтесь политикой... мы вам потом скажем»... Нет, братцы! Время не терпит! Казаки не имеют права оставаться на распутье. Время уже, кому дорога Московия, сказать это прямо и забыть слово «казак», а кому любо имя казака, тому надо выйти из руссофильских потемков и сказать смело, по-казачьи — «Я — казак и только!»

Повторяю, время не терпит! Ждать казакам нечего и надеяться, не имея ясно выраженного казачьего лица, не на кого.

Путь ВК движения не новый. На этом пути стояло Казачество, когда оно не было ни от кого зависимым, когда оно само руководило своей судьбой. Если на этом пути существуют препятствия, часть которых создало само же Казачество, то это потому, что оно перестало, было, привыкнув незаметно к другому, идти в этом направлении. И это направление как бы заросло, забылось.

Я уже сказал: «горько в душе и больно в серд-

*) Эта статья в свое время была написана для газеты «Лиги Возрождения Казачества» — «Казачье Дело», но редакция этой газеты нашла ее недостаточно «литературной», а потому и не напечатала.

це»... Это здесь, где мы имеем возможность свободно говорить, объяснять, писать, опровергать, жаловаться и т. п. Как же в душе и в сердце у тех, кто всего этого лишен? У тех, чьи вопли и стоны там, в Родных Краях, оглашают воздух? (Так называемые «ворошиловские кавалеристы» являются ничем иным, как глушителями этих воплей). У тех, чьи взоры (это видно из писем оттуда) устремлены на нас, по их утверждению, счастливейцев? У тех, кто мысленно (говорить об этом они не имеют права) вызывает к зарубежному Казачеству, кто надеется на всех нас? У тех, кто (опять-таки — хоть мысленно) цепляется за эту надежду, как утопающий за соломинку, говоря (по письмам): «На вас вся надежда... воспитывайте детей в казачьем духе, ибо мы не имеем здесь этой возможности. Учите своих детей петь казачьи песни, в них все сказано... Если нам с вами не суждено будет освободить наши края от палачей Казачества, так хоть ваши дети могли бы продолжать дело освобождения. Освободивши наши края, научили бы и наших детей!...

Часть зарубежного Казачества давно уже вялая

зову оттуда, развернувшись в ВК движение, и старается, по мере своих сил, оправдать надежды наших братьев оттуда. Присоединяясь к этому зову, эти казаки уже несколько лет вызывают ко всем казакам принять, во имя спасения тамошних мучеников и во имя бессмертия Казачества, участие в борьбе за благо наших родных, всеми нами любимых и никогда не забываемых Краев...

Возможно ли, чтобы казаки относились равнодушно к «утопающему и хватающемуся за соломинку» тамошнему Казачеству, зная, чего оно хочет?

Казаки, перестаньте усыплять свою бдительность красноречивыми, но змеинными науськиваниями старателей рассказывания. Довольно в кулак шептать! Время уже сорвать чужие, моральные и духовные, оковы с казачьей души! Время дать надлежащий отпор бывшим «попечителям» Казачества и их помощникам из казаков. Время, свободно вздохнув, смело, не оглядываясь, вступить на свой казачий национальный шлях-дороженьку!

До каких же пор эта будет?

Надеюсь, что читателю интересно будет знать, какова жизнь фабричного рабочего в «первой социалистической стране», о роскоши которой часто пишут не только советские газеты, но и иностранные, призывая верить, что там рабочий гораздо лучше обеспечен, чем тот же рабочий в буржуазных странах.

Шведский студент Юно Андерссон, побывавший в прошлом году в СССР, дает подробные сведения в одной из шведских рабочих газет (левой) о том, сколько советский рабочий получает за свой труд и какова там стоимость жизни.

Я постараюсь вкратце описать эти сведения. На фабрике шарикоподшипников имени Кагановича в Москве:

Директор получает в месяц 2000 руб.

Нисший рабочий (маневр) до 150 руб.

Средний рабочий (маневр специализации) до 250 руб.

Квалифицированный рабочий (специализации) до 350 руб.

Стахановский рабочий (аккорд) до 1500 руб.

На механической фабрике (ножи, замки и т. п.) имени Орджоникидзе в Москве в месяц получают:

Инженер и техник: 500-1500 руб.

Неквалифицированный рабочий: до 200 руб.

Квалифицированный (немного больше): 300 руб.

Врач при зубоветеринарной клинике: 350 руб.

На получаемое жалование существует два налога — «на сумму» и т. наз. культурный налог.

В Москве, например, получая 500 руб. в месяц, дирекция тут же удерживает 17 руб. «на сумму» и 9 рублей «культурных».

Стоимость и качество квартиры зависят от величины получаемого заработка. С жалованием от 100 р. платят в месяц аренды за место 10 р. 56 к., от 250 руб. платят 16 р. 33 к., от 450 р. в месяц платят 35 р. 65 к., и т. д. Квартиры голые, за электричество, газ и т. п. нужно платить особо. На вышеуказанной фабрике Орджоникидзе рабочий с жалованием в 750 руб. в месяц (инженер или стахановец А. Т.) платит 50 руб. за комнату и часть кухни (одной кухней пользуются несколько семей).

Стоимость же продуктов потребления по твердой, минимальной цене в Москве следующая:

Костюм — от 320 до 800 руб.

Материал для костюма, метр — 60 руб.

Пальто — от 387 до 1100 руб.

Материал для пальто, метр — от 80 до 150 р.

Брюки — от 190 до 245 р.

Мужские ботинки кожаные — от 60 до 75 р.

Дамское пальто — от 290 до 726 р.

Ботинки — до 200 р.

Молоко литр — 1 р. 30 к.

Хлеб кило — 1 р. 30 к.

Ветчина копченая кило — 20 р.

Рыба копчена кило — 9 р. 50 к.

Маргарин, кило — 13 р.

Масло коровье — 19 р. 50 к. — 23 р.

Колбаса копченая и другие сорта — 12-30 р.

Кофе, цикорий кило — 40 р. — 53 р.

Читатель, при желании, может сделать сопоставление, сколько соответствующий рабочий получает в месяц в СССР и сколько в стране читателя, и сколько тот и другой может за месячное жалование купить соответствующее его положению, костюмов или брюк, или ботинок, или масла и т. д. Тогда можно выяснить, каков жизненный «стандарт» трудящихся в советском царстве по сравнению с трудящимися «буржуазных» стран.

Приведу частично пример, беря низшего рабочего фабрики Кагановича, с живущим в своем государстве шведским рабочим этой же категории; за месячное жалование они могут купить:

Русский:

Швед:

1/2 одн. костюма.

2 костюма.

4/8 » пальто.

2 пальто.

8/10 » брюк.

8 брюк.

2 1/2 пары ботинок.

10 пар ботинок.

8 кило масла.

60 кило масла.

8 1/2 кило ветчины.

75 » ветчины.

7 кило сыру.

75 » сыру.

43 » гороха.

300 » гороху.

116 » хлеба.

375 » хлеба.

116 литров молока.

680 литров молока

Квалифицированный рабочий в Швеции получает в среднем на 70 проц. больше, чем рабочий обыкновенный.

В этой таблице я привел неквалифицированного рабочего потому, что они в общем составляют подавляющую массу в государстве и еще потому, чтобы было наглядно, удовлетворяет ли советская власть необходимыми жизненными потребностями свой люд.

Такова жизнь пролетариата в стране трудящихся.

Если так живут «победители» — русские рабочие, то как же живут там казаки, украинцы и др. — под властью тех русских «рабочих и крестьян»?

Другая шведская рабочая газета (правого толка) сообщает следующее: в план последней пятилетки входила постройка водного канала из Ленинграда в Черное море. Длина канала 226 километра. Канал по плану должен быть закончен к концу пятилетки, но его сделали в полтора года, и в этом быстром сооружении находят триумф Сталина в этой пятилетке.

На прорытии этого канала было сосредоточено 150.000 рабочих. Закончив канал, вышло оттуда живыми только 10.000, остальные 140.000 от истощения и непосильной изнурительной работы остались навсегда в канале. Кто физически не мог быстро работать, того коммунисты били и заставляли выполнять данную им работу. Работы производились по 12-14 часов в день. Часто работали при морозе в 30-40 градусов. Большин-

ство этих несчастных — хлеборобы «юга России», а остальные — интеллигенты.

Газета возмущенно говорит по этому поводу о стране Советов, как о сатрапии...

Станичники, не понятно ли нам, казакам, кто такие хлеборобы «юга России»? Очевидно, казаки и украинцы — украинцы и казаки! (Правдив монах! См. ес. Збронский, журн. «ВК» ном. 211, стр. 18).

Несчастное Казачество! Там уничтожают его московские сатрапы, а здесь, в эмиграции, выздоравливающую казачью душу рвут на куски сами же казаки, а некоторые соседи протягивают руки на казачьи территории... Не говорим о соселе северном, тот хочет все. Но не мало хотят и некоторые горцы. А сестра Украина (Бойкива!) не прочь бы была взять часть Дона и, кажется, чуть ли не всю Кубань.

Открой глаза, сестрица (Бойкив и иже с ним!) и посмотри, как там казак и украинец вместе умирают в неволе под московским караулом в каторжной тюрьме! Опомнись, сестра!..

Мы знаем, что тебя, родное Казачество, продолжают неустанно уничтожать там на каторжных работах по возведению сплошной «линии Мажино» от Финского залива до Черного моря. Мы знаем, что ты работаешь в две и три смены день и ночь. Мы знаем твои страдания, твои нечеловеческие муки. Мы чувствуем, как наносят тебе удары русские коммунисты... Мы видим твои раны. Мы слышим стон твоей души, взывающей к своим родным казакам — эмигрантам о спасении...

Но ты, родное, нас пока прости и терпи мучения до конца. А мы? Мы еще не готовы к бою для спасения тебя, мы еще только... боремся за власть над тобой!

Какие мы недобросовестные, безразличные, без-

личные!.. Казачество гибнет, взывает... Но, несмотря на то, что со дня на день события могут развернуться в нашу пользу, мы блуждаем по чужим заборкам, прячемся, уклоняемся от своих непосредственных обязанностей перед своей казачьей родиной.

До каких же пор это будет? Пора положить предел своей пассивности, настала пора перейти к активности.

Прислушайтесь, события стучат нам в дверь.. И во имя спасения Казачества, во имя спасения своих казачьих территорий, — все, от генерала и до рядового казака, все мы должны подчинить себя самодисциплине и, вооружившись силой воли, заставить свою душу понять, что для казака — Казачество должно быть выше всего. А тогда смело, не боясь, что в тебя бросят камень, спешి скорей туда, где долг отчизны нас зовет: под национальное ВК знамя, на свой казачий путь, к спасению самих же себя!

Идите, все идите к нам! Для казаков — патриотов, не попирающих ногами воли большинства, дверь открыта. Но, идя, не стремитесь к власти, тогда будете у власти.

Да здравствует Казачество!

Кубанского Войска А. С. Тырин.

Швеция, 8 января 1937 г.

П. С. 1. Уцелевшая племянница одного из моих сослуживцев на листе из конторской книги пишет: «Дядя, я рада, что вы еще живы... Мама уже старенькая, а наших родственников с обеих сторон уже почти никого не осталось... Тяжело. Когда вы придете?.. (В свое время родственников можно было насчитать до сотни. «Ужасы! А. Т.).

2. Хороший пример полк. А. Пономарева для меня заразителен (см. журн. «ВК» ном. 211). Прилагаю при сем ... шведских крон в фонд спасения Казачества. По мере возможности пришлю еще. А. Т.

Казаки в Австралии

В половине сентября прошлого года, по инициативе Уральского Атамана ген. В. С. Толстова, состоялось совещание казаков: Уральского, Донского, Терского и Оренбургского казачьих Войск. Председательствовал Атаман Толстов.

После вступительной речи ген. Толстов ставит вопрос: Нам, казакам, нельзя дальше оставаться неорганизованными, так как события могут развернуться неожиданно для нас, а нам как раз необходимо встретиться их организовано.

По мысли Толстова, не только борьбу с большевиками нужно вести объединенными казачьими силами, но объединение это должно оставаться и после падения большевиков для защиты своих казачьих краев от посягательства любой русской власти и общественности. По его мнению, Казачество должно иметь свое всеказачье правительство и свое командование, чтобы бороться вместе с русскими антибольшевистскими силами, но отдельной ветвью — на договорных началах.

С доводами Атамана Толстова участники собрания соглашались, но известный среди казаков в Австралии самостийник И. Комаров (донец) заявляет: Раз речь идет об обособленности Казачества, тогда надо признать полностью программу ВК.

Атаман Толстов: По условиям местной жизни мы этого сейчас сделать не можем.

Ст. А. Кораблев (уралец): Мы потом это сделаем.

И. Комаров пытается доказать правоту программы ВК.

Раздаются голоса: Не нужно, не нужно!

И. Комаров ставит Атаману Толстову вопрос: скажите, Владимир Сергеевич, если нам не удастся войти в Родные Края через центральные ворота неделимости и мы найдем вход с краю, будет ли это считаться преступлением?

Атаман Толстов: Нет, но я боюсь, что казаки, до-

бившись самостоятельности, опять заболеют большевизмом, как это было в 1917 г. *).

И. Комаров: Допустим, что тогда, в 1917 г., казаки ринулись бы, как один человек, на Москву. Все равно разбить большевиков там мы тогда не могли бы, так как большевики захватили и закрепили власть не иностранными штыками, а штыками солдат и офицеров старой императорской армии. В 1918 — 20 г. г. Казачество выставляло на борьбу с большевиками 80 проц. взрослого мужского населения, а Россия на эту борьбу не дала и 1 проц. Необходимо учесть ошибки прошлого, дабы не повторять их в будущем. Народы Прибалтики в борьбе с большевиками, с наименьшей потерей в людях, но с разумной политикой, добились самостоятельности.

В борьбе цель, которую мы преследуем, должна быть ясна и определена. Если бы это было осознано в свое время, то теперь бы мы, казаки, не скитались по белу свету и те немногие русские люди, которые были в борьбе с нами, нашли бы в привольных долинах Тихого Дона, Прекрасной Кубани, Бурного Терека и Урала — братский приют и применение своих сил на поле производительного труда.

Далее И. Комаров доказывает, что русские люди и тогда там, в России, не боролись с большевиками и здесь, в эмиграции, разбились на несколько партий, из которых каждая претендует на первенство, благодаря чему иностранцы так и не могут понять, кто именно возглавляет русскую эмиграцию.

*). От Ред. — Такой аргумент против казачьей самостоятельности мы слышим в первый раз. Мягко выражаясь, он — странный и наивный. Ведь «заболели» то казаки в 1917 году «до самостоятельности», как раз в системе матушки России и под влиянием ее собственных сынов...

Нет, аргумент ген. Толстова против казачьей самостоятельности — не серьезный, детский аргумент.

Атаман **Толстов** предлагает собранию зафиксировать решения собрания в особом протоколе и послать его Об'единенному Совету Д. К. и Т. и атаману Семенову, как главе фашистского движения.

И. Комаров: Послать таковое и походному Атаману ВК И. Билому.

Ст. Колышкин: Он никем не признан...

И. Комаров: У Походного Атамана есть не только

хутора и станицы, но и округа, а у Об'единенного Совета Д. К. и Т. в настоящее время все распалось...

На этом заседание закончилось.

Собрание происходило в районе г. Таигула, на ферме и в доме **А. П. Кораблева**.

По окончании заседания хозяйкой дома, г-жой О. Г. Кораблевой, участникам собрания любезно предложен был обед.

(Соб. кор.).

Гр. Граббе в Лионе

Несколько русских людей по происхождению, но в казачьих чинах, два-три простых казака, несколько казачьих офицеров — членов Русского Обще-Воинского Союза и четыре кубанца — носят громкое наименование **Донской казачьей станицы** в Лионе... В соответствии с этим, не стоит и удивляться всем постановлениям и действиям этой организации, встречавшей графа Граббе в г. Лионе в дни 23-24 января с. г.

Глава организации — станичный атаман полковник Дронов.

Вытащившись в «струнку», полк. Дронов с ближайшими своими сотрудниками встретили гр. Граббе на вокзале. Первая минута «радостной встречи» прошла... Гр. Граббе спрашивает полк. Дронова:

— А что, казаки-самостийники приглашены?

— Никак нет, Ваше Сиятельство!..

На лице Граббе недовольство.

— Так мы можем сейчас разослать приглашения, — хочет поправить дело Дронов.

— Неужели вы считаете, что люди не имеют самолюбия? — спросил Граббе.

Поямлся на ногах, замялся в словах полк. Дронов.

Часом позже побежали, полетели, поскакали специальные посланцы... в надежде заполучить хотя бы одного самостийника на банкет при участии гр. Граббе. Никакого проку, однако, не вышло, ибо первый же потревоженный в ночную пору самостийник указал явившемуся на дверь. — Прахом пошло усердие русского человека в казачьих чинах...

Нижеприводимое торжество называется балом т. н. Донской станицы.

«Та-а-а-та-та» — выводит «малиновую трель» на трубе некто, кто наименован станичным штаб-трубачем. Подана команда. Все встают. В залу входит граф Граббе и здоровается. Русский струнный оркестр играет «встречу». Русский хор начинает петь:

Всколыхнулся, взволновался

Православный Тихий Дон.

Все, находящиеся в зале, поднимаются...

И послушно отозвался

На призыв монарха он... —
распевает дальше русский хор.

Удивлению казаков не пределов...

Дон детей своих сзывает,

В Круг Державный Войсковой —

Атамана выбирает

Всенародною душой... —

несутся дальше уже звуки донского гимна в исполнении русского хора...

Стыд и позор полк. Дронову, фальсифицирующему слова Донского гимна, утвержденного Донским Войсковым Кругом. Не пригласил полк. Дронов прекрасный казачий хор (под упр. г. Никольского), потому что последний (вполне понятно) пел бы Донской гимн так, как поют последний именно донские казаки...

Ясно и понятно теперь, почему в т. н. Донской казачьей станице «атаманит» именно полк. Дронов, а не кто другой! И будет понятной тайна, почему некоторые кубанцы предпочитают состоять в т. н. Донской станице, а не в Кубанском хуторе или общеказачьей станице, тоже лионских организациях.

Монархическая пропаганда, проводимая полк. Дроновым и иже с ним, имеет своим следствием вполне естественное и логическое перемещение настроений в среде лионских казаков... в сторону казачьего национализма. Будет показательно сравнить нынешнее число сторонников гр. Граббе в г. Лионе... с числом казаков в том же городе, голосовавших за него при

«выборе». Ведь тогда было подано за него 102 голоса!..

Если вчера еще многие из донцов чувствовали себя «русскими казаками», то уже сегодня они казаки-самостийники.

От души благодарим полк. Дронова за деятельную поддержку, оказываемую им (Дроновым) нам, казакам-самостийникам, в деле утверждения в жизнь проводимой нами казачьей национальной идеи.

Однако, вернемся на бал т. н. Донской казачьей станицы в Лионе...

«Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь»... —

поет русский хор... Величественный напев Кубанского гимна поднимает вновь всех, находящихся в зале, за исключением одного... гр. Граббе. Однако, оглянувшись по сторонам, гр. Граббе увидел, что все стоят. Приподнялся и он!

Наступил далее черед «живым картинам»! Декорации с изображением Московского Кремля, дебая дама (даже не «второй молодости!»), долженствующая представлять «порабощенную Россию» в бумажных цепях, и т. д., и т. д... Заключительный апофеоз, — когда над «освобожденной Россией» были склонены русские флаги, между тем, как донской флаг был положен к самым ногам «России», окруженной группой донских казаков (в форме!), якобы ее освободившей, — воочию показали, куда и как ведут казаков полк. Дронов и его компаньоны.

Надо отметить, что «живые картины» вызвали бурю восторгов со стороны русских людей, находившихся в изрядном количестве в зале и предпочитающих дело освобождения России предоставить казакам... к счастью, пока лишь в мыслях!

Гвоздем банкета, имевшего место на следующий день после бала, явилась безусловно речь самого гр. Граббе.

Словно обухом стукнуло многих из присутствовавших на банкете, когда граф начал произносить эту речь:

«Для меня прежде всего Казачество, а потом Москва... Конечно, правда, что трудно жить Казачеству без России, но если надо, то и это возможно. Уже сейчас, в настоящий момент, возможно и освободить, и отделить весь Юго-Восток от России. В частности, это не трудно будет провести в отношении Дона и Кубани... Однако, если бы в самом деле сейчас освободить означенные территории от большевистского ига и сделать их самостоятельными, казакам пришлось бы дорого расплачиваться... Производя соответствующую раскладку, каждому казаку пришлось бы выплатить по 50.000 рублей золотом. Это очень дорого, а потому приходится ждать»... (Интересно было бы знать, кто это высчитал, кто хотел бы такой «куш» сорвать с казаков, — словом, кому же пришлось бы платить казакам, по мнению Граббе? — Гр. Граббе, вероятно, ошибся, он назвал цифру, какая стоит каждому казаку теперешняя московская оккупация. **Ред.**)

«Став Донским Атаманом, я имел вначале в буквальном смысле слова одну иголку, ныне же мне удалось разыскать большие деньги, принадлежащие Донскому Войску и лежащие в швейцарских банках. Ныне есть на что вести работу, и я сумею выполнить свой атаманский долг и привести казаков на Дон. Гордо и смело заявляю: мы — казаки, а не казачки, — обратился он к представителям русских воинских организаций — корниловцам, дроздовцам и др., восседавшим на банкете в весьма изрядном числе. — Помните, что

вы, русские люди, должны преклоняться перед казаками»...

И — о, чудо! — корниловцы, дроздовцы и т. д. приподнялись со своих мест и заявили гр. Граббе: «Мы преклоняемся перед казаками!»

Однако, наибольшие «сюрпризы» гр. Граббе оставил напоследок:

«В своих поездках я встречался с И. А. Билым *). Казаки-самостийники, это — настоящие казаки. Правда, они от нас разнятся тем, что они более широко забирают и несколько резко оформливают свою программу. Тем не менее, с ними, самостийниками, возможно и наверняка придется работать вместе в деле освобождения Казачества. Жаль, что их представителей здесь нет»...

Далее, вынув из кармана младоросскую газету «Казачий Путь», граф Граббе, потрясая ею в воздухе, говорил против казаков — младороссов, категорически заявляя: «Какие там казаки, эти младороссы! Они имен-

*) Не знаю, как надо понимать это выражение (если оно передано здесь правильно), т. к. я с гр. Граббе еще не встречался. **И. Билый.**

но русские люди, а не казаки, ибо делают они русское дело, а не казачье. Их, казаков — младороссов, никак нельзя сравнивать с казаками — самостийниками, ибо последние — казаки — националисты, а казаки — младороссы суть русские националисты и с ними нам не по пути»...

Поговорив еще немного, гр. Граббе закончил свою речь при единодушных аплодисментах всех восседавших на банкете. Хлопали все: казаки, русские и «русские казаки».

Что означает сия речь: **знамение времени, или тонкий подвох?**

Подводя «итоги», выразим мысль, что, видимо, надвинувшиеся события начали шевелить всеми мозгами...

Читайте внимательно, казаки, какую «игру» вели, ведут и во что последняя выливается в стане «русских казаков».

Долой тюрьму народов — сов. Россию! Да здравствует Казакия!

Н. Калинин.

Н. Юров.

Д. Пятилетов.

Казачья эмиграция

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Зачисляю в списки округа — хор. **И. Д. Гущина** — казака ВВД и хор. **И. В. Болдырева** — казака ВВД — с 8 января с. г.

2. Утверждаю состав правления ВК имени А. И. Кулабухова станицы в Тулузе, избранный на годичном станичном сборе 17 января с. г., в составе: атаман — **И. Т. Хрипушин**, помощники — хор. **И. Д. Гушин**, уряд. **Матякин**, казначей — вахм. **Г. Шерстюк**, писарь — **А. Жданов**; ревизионная комиссия — под'ес. **С. И. Шепель**, хор. **И. В. Болдырев** и подх. **Стрельченко**.

3. Утверждаю состав правления Союза ВК сепаратистов имени Атамана С. Лаврентьева в г. Лионе, избранный на общем собрании 23 января с. г., в составе: председатель — **Н. Н. Юров**, тов. председателя — хор. **В. С. Криштопа**, писарь — кол. рег. **И. В. Мельников**, казначей — **Н. Г. Калинин**; ревизионная комиссия — есаул **И. А. Кувиков**, подх. **Д. Д. Пятилетов**, **Т. И. Кулик**.

4. Зачисляю в списки Округа казаков ВВД — хорунж. **И. Ф. Орлова**, подхор. **Т. П. Воронкова**, подхор. **И. П. Колесникова**, подхор. **М. Д. Точилкина**, подхор. **С. А. Путилина** и **И. П. Улитина**.

5. Зачисляю в списки Округа ВК хутор «Черный Всадник» в Труа. Честь и место новым борцам за казачьи Волю и Долю!

Утверждаю правление и ревизионную комиссию, избранные хуторским сбором в следующем составе: атаман — хорунжий **К. Ф. Орлов**, пом. атамана — вольноопр. **Н. И. Безбородов**, казначей — подхор. **Алейников**. Ревизионная комиссия: **С. И. Мерзликин** и ст. ур. **Филимонов**.

6. Зачисляю в списки Округа казака ВВД **Ф. А. Козьмина** — с 25 января с. г.

7. Утверждаю выборы правления и ревизионной комиссии, произведенные ВК имени Н. С. Рябова станицей в Бельфоре на годичном сборе 20 декабря 1936 года в следующем составе: атаман — **И. А. Тищенко**, пом. атамана — **Т. Г. Лобанов**, писарь и казначей — **Ф. Т. Жуков**; ревизионная комиссия: **Н. М. Березлев**, **П. Ф. Лавров**, **А. М. Андруха**.

Окружной атаман **А. Ленивов**.

Окружной писарь — есаул **И. Кувиков**.

В ТРУА

Новый ВК хутор

Существуют у нас две казачьи организации, т. н. Донская Георгиевская станица и Кубанский казачий им. ген. Бабиева хутор. Но, зная «русская» идеология мало отвечала вкусам и истинным настроениям казаков, ибо последние, прослышав о развитии ВК нацио-

нального движения, сначала начали потихоньку почитывать журнал «ВК», а потом и открыто начали переходить на казачий национальный путь.

В конце концов, все одиночные казаки самостийники были объединены и образовали ВК хутор «Черный Всадник» в г. Труа.

Правление хутора избрано в следующем составе: хуторским атаманом избран хорунжий **К. Ф. Орлов** (ст. Урупской, К. В.), помощником его — вольноопр. **Н. И. Безбородов** (ст. Новосуровской, К. В.), казначеем — подхорунжий **Г. К. Алейников** (ст. Урупской, К. В.). В ревизионную комиссию: подхор. **С. И. Мерзликин** (ст. Владимирской, К. В.) и ст. ур. **Филимонов** (ст. Костромской, К. В.).

Правлением хутора посланы соответственные рапорта на имя Походного Атамана ВК и окружного атамана во Франции.

Слава Казачеству! Да здравствует Казакия!...

(Соб. кор.).

В ЛИОНЕ.

В субботу 23-го января с. г. состоялось годичное собрание членов «Союза ВК (сепаратистов) имени Атамана С. Лаврентьева в Лионе».

Прознося вступительную речь, председатель Союза **Н. Н. Юров** подчеркнул большую работу, проделанную правлением союза в истекшем 1936 году.

Заслушав отчет ревизионной комиссии, общее собрание постановило единогласно просить все старое правление целиком остаться на своих местах и в настоящем 1937 году.

Один за другим все члены правления заявляют о своем согласии оставаться на своих постах.

Последующим голосованием весь состав правления был утвержден на своих должностях в следующем составе: председатель — **Н. Н. Юров**, тов. председателя — хорунжий **В. С. Криштопа**, секретарь — **И. В. Мельников**, казначей — **Н. Г. Калинин**.

Ревизионная комиссия — есаул **И. А. Кувиков**, **Д. Д. Пятилетов**, **Т. И. Кулик**.

Слава Казачеству!

Н. Калинин.

ЕЛКА В КРЕЗО.

17 января ВК станица устроила елку для детей вольных казаков. Казачата с нетерпением ждали этого дня. Родители были предупреждены, чтобы дети выучили стихотворения их журнала «ВК».

Сколько было муки, чтобы подготовить их к декламации! Да и вполне понятно: между собой говорят они по-французски, а иногда даже так и с родителями. Редко который говорит чисто, без акцента, на родном языке. Несмотря на все эти препятствия, декламация

казачьих стихотворений прошла все же вполне удовлетворительно.

Сбор начался к 2 часам дня. Первыми прибыли помощник с казначеем и распорядительница елки казачка **Морозова**, чтобы приготовить шоколад и сласти для детей. В два часа кафе оглашалось уже детскими голосами. Все взоры устремлены на закрытую дверь, где стоит эта таинственная елка, вернее не так елка, как то, что лежит в мешочках под елкой...

— Ну, дети, становитесь по-два и не кричите, — говорит помощник атамана **М. М. Горелов**.

Открывается дверь и детвора, с любопытством рассматривая сверкающую огнями елку, становится вокруг нее.

Тишина. Помощник атамана предлагает пропеть гимны. «Всколыхнулся, взволновался», «Ты, Кубань, ты наша родина», — полились мощные звуки священных казачьих гимнов.

Помощник атамана поздравляет вольных казаков, казачек и детей с праздником и говорит: «Казачи, мы вступили в десятый год нашей борьбы за государственную самостоятельность Казачества. Будьте тверды и уверены, что дело наше правое. Моя к вам просьба — подготовьте молодое поколение, чтобы оно было достойно своих отцов и, подогтовленное, могло занять наше место, чтобы в будущем служить только своему казачьему народу. Слава Походному Атаману! Слава окружным, станичным, хуторским, куренным атаманам! Слава казачьим писателям и поэтам! Слава Казачеству!»

— Воля и Слава! — было ответом собравшихся.

— Ну, детвора, теперь очередь за вами, — говорит Морозова.

Заиграла музыка. Крики, задорный детский смех, беспредельное детское веселье. Самая счастливая и беззаботная пора детства.

— Ну, дети, теперь послушаем, как вы будете рассказывать стихи, — говорит помощник атамана.

Первым говорит **Сережа Павлов**. Говорит чисто, без акцента. Обладает хорошей памятью, но видно, что отец потрудился не мало. Окончил, аплодисменты и полагаемое за труд. Потом **Митя Горелов**, **Морозов**, **Булаткины**, **Дерябкины**, **Воробьевы**, — каждый по казачьему стихотворению и, конечно, мешочек со сладостями за труды. А трудов, видно, было немало, так что у некоторых даже пот на лбу выступил. Подумайте, выучить французское стихотворение для них легко, ну, а выучить казачье это уже не так легко...

Подарки розданы, детей усаживают за стол и угощают горячим шоколадом и пирожками.

Казачи садятся за другой стол, и полилась казачья беседа. За многих пили, за Походного Атамана, за окружных, за Казачество, за тех, кто остался там, в Родных Краях...

«Эй, шли, прошли с Дона служилые, они молодые»... — залился тонкий подголосок казака **Смерткина**. Ему помог хор казачьих голосов....

Ное... время близилось к концу, начало 12, пора расходиться. Малышей увели спать, старые остались убрать елку и подмести зал...

Благодарю атамана станицы **М. Ф. Белова** за собранные им деньги для нашей елки.

Благодарю всех вольных казаков и казачек за труды по устройству елки.

Особую благодарность выражаю распорядительнице этого вечера казачке **Морозовой**.

Слава Казачеству!

Помощник атамана вк станицы в Крезю:

Моисей Горелов.

ВК в Югославии

В СМЕДЕРОВО

Смедеровская в. к. имени А. И. Кулабухова станица праздновала свой национальный праздник 10-е декабря — в воскресенье 13-го декабря.

В 10 час. утра казаки пришли в сербскую православную церковь, где, по окончании литургии, сербский священник отслужил молебен, молясь о создании самостоятельного казачьего государства, а также о здравии Походного Атамана и всех вольных казаков.

По окончании церковной службы казаки собрались

в станичном правлении, чтобы обменяться мнениями и отметить свой национальный день.

Ввиду отсутствия станичного атамана и его помощника, уехавших на манифестационный съезд, устроенный Чуприйско — Парачинской станицей, праздник поручено проводить станичному писарю **А. Дейнега**.

В станичном правлении была приготовлена скромная закуска и, когда все собрались, станичный писарь предложил занять места. Заняв места, казаки спели хором молитву Господню, после чего станичный писарь поздравил всех с праздником, а дальше говорил:

— Сегодня наш вольно — казачий праздник 10-го декабря. Мы сегодня собрались, чтобы отметить наш национальный праздник. В этот день, как уже известно всем, мы вышли на чистую ВК дорогу и в этот день мы должны вспомнить, за что мы готовимся принести себя в жертву — за жизнь оставшихся в родных краях, которые день и ночь молят всевышнего Творца о скором освобождении их от большевистской неволи. Одни из них гибнут в далекой суровой тундре, другие на Соловках, третьи в Родных Краях, болея душой о разорении и уничтожении дедовской старины, что для казаков дороже их личной жизни.

Помните, братья казаки, перед нами лежит тяжелая работа, которая требует от каждого из нас принести себя в жертву за свободу родного Казачества.

Слава нашему Походному Атаману! Слава Казачеству!

— Слава! — громко ответили казаки.

Затем выразили благодарность Е. В. Королю Петру II-му и всему югославянскому народу за приют, предоставленный казакам.

— Живео! — ответили все.

Затем было прочитано поздравление окружного правления.

Потом слово взял ст. **И. Верба**, который сказал: «Братья казаки, мы есть казаки националисты и нам надо твердо бороться только за национальное Казачество, за нашего Походного Атамана и за казачье государство Казакию».

Ст. **Я. Негреев** поясняет казакам о возникновении ВК и о тех, кто были первыми, поднявшими знамя казачьей независимости. Первым был наш теперешний Походный Атаман, который поднял знамя, вокруг которого и начали объединяться все казаки, составляя стройные ВК ряды.

— Слава нашему Атаману! — было ответом казаков.

На праздник пришли и казаки, не состоящие в рядах ВК. Были они приняты по-братски, по-казачьи. Мотивировали они свой приход тем, что хотели договориться с казаками относительно совместного устройства детской елки, которую уже станичный сбор постановил устроить (назначена и комиссия для подготовки к празднику детей).

Им было отвечено, что у нас уже все готово, а если они желают участвовать в елке, то пожалуйте!...

После всего спели совместно несколько казачьих песен. Казаки других течений, уходя, благодарили за братский прием.

А. Дейнега.

В КРАЛЬЕВО

10 января 1937 г. Кральево.

ВК имени Петра Кальнишевского станица в Кральево собралась под председательством станичника **Г. Т. Абрамцова** (при наличном составе двух третей голосов), для перевыборов станичного правления на 1937 год.

Председатель **Г. Т. Абрамцов**, при открытии сбора, благодарил станичного атамана **Е. К. Кривца** и его помощника **П. И. Нестеренко** за их четырехлетнюю усердную и искреннюю работу на пользу в. к. станицы, а также и за верную службу Казачеству и от лица всех казаков станицы просил остаться на должности станичного атамана и на следующий год.

Атаман **Е. К. Кривец**, выслушав благодарность от имени станицы, просит выбрать другого атамана, а ему дать отдохнуть хотя бы один год.

Председатель, от лица присутствующих на выборах

казаків, ще раз благодарит Е. К. Кривца за усердную і честну службу і говорить: «Уже 16 лет прошло, как мы, казаки, выброшены из своих станиц на чужбину. Десятый год, как зародилось ВК движение во главе с Походным Атаманом, которое ведет борьбу за свои казачьи земли. Наступающий, 1937 год, несет нам успех нашего дела — освобождение нашей земли от оккупантов и возвращение на родину. Тогда мы дадим вам отдых и вместе с вами будем отдыхать в наших родных очагах. Слава Казачеству!».

Приговором станичного сбора единогласно избрано правление: атаманом **Е. К. Кривец**, помощником (он же и казначей) **П. И. Нестеренко**, писарем — **В. С. Захаров**. Членами ревизионной комиссии: **Г. Т. Абрамцев**, **Т. Т. Настич** и **Я. М. Димченко**.

Выборы утверждены окружным атаманом.
Станичный атаман: **Е. Кривец**, помощник: **П. Нестеренко**, писарь: **В. Захаров**.

В ЛЮБЛЯНЕ

7 января с. г. состоялось годовичное собрание ВК имени Атамана Ермака Тимофеевича хутора, на котором хуторской атаман **А. В. Ермаков** сделал доклад о деятельности правления в истекшем 1936 г.

С горечью указал он на разделение вольных казаков в Югославии. Поинформировал собравшихся станичников и о международном положении, указав, что международные силы в настоящее время разделились на две группы, одна из коих благоприятна для нас, казаков.

Закончив доклад, атаман хутора и правление слабают с себя обязанности. Собрание выбирает председателем **А. И. Болдырева** и приступает к выборам правления и ревизионной комиссии.

Избранными оказались: хуторским атаманом **А. В. Ермаков**, помощником — **Н. И. Игнатов**, казначеем — **М. С. Коробов**. Ревизионная комиссия: **Сапожников**, **Сапельников** и **Болдырев**.

Все должностные лица избраны единогласно.

Хуторской атаман: **А. Ермаков**.

Писарь: **Н. Игнатов**.

ВК в Польше

Детская елка.

9-го января Луцкая ВК имени полк. Чернецова станица устроила елку для казачьих детей в зале украинского клуба «Рідна Хата».

Следует отметить энергию некоторых членов станицы, взявших на себя заботы по устройству елки в наших трудных эмигрантских условиях.

Елочный комитет, во главе с неутомимой и преданной казачьему делу казачкой **Татьяной Диктаровой**, оказался на высоте своего положения.

Интерес членов станицы к елке был велик, что доказывается таким явлением, что, несмотря на снежную метель в день елки, многие приехали из провинции за несколько десятков километров. Все же, не все дети могли посетить свой праздник, т. к. плохая погода удержала многих дома.

К 12 часам дня собрались казаки, казачки и казацата, во главе со станичным священником **о. Димитрий**.

ризм, который приветствием встретил окружного атамана **Ф. М. Штовханя**. Последний поздравил членов станицы с праздником Рождества Христова, на что станичники ответили взаимным поздравлением.

Дети бегали и танцевали вокруг елки. Пели и декламировали. Следует отметить, что особенно отличилась одиннадцатилетняя Терская казачка **Аня Кротова**, которая выступила со своими двумя младшими сестрами и исполнила с ними несколько маленьких балетных номеров с пением.

Семилетний терец **Боря Диктаров** хорошо декламировал стихи Скубани (Ив. Коваленко) «Дар Леда Мороза» и по-украински — «Ялинка».

Молодой донец **Женя Колотовичев** и дочка терца **Тамара Лобкова** декламировали стихи из родного журнала «ВК».

Комитет по устройству елки позаботился приготовить чай для детей, а также и для взрослых. Очень деятельное участие приняли в устройстве чая и украшениях елки станичники: **Ф. Карагичев** и **П. Балиев**.

Когда дети пили чай, ст. **Диктаров** на гармонии играл лезгинку. Не выдержало казачье сердце родных мотивов. Понеслись в танце ст. **Мышняков** и **Лобков**, а их сменили **Карагичев** и **Балиев**.

После играли гопака, казачка... Дети с большим вниманием следили за казачьими танцами и с большим удовольствием слушали казачьи песни.

И взрослые и дети — все остались довольны елкой, а главное — дети. У них надолго останется в памяти казачья елка.

(Соб. кор.)

ВК в Румынии

† **С. Н. РЫКОВСКОЕ**

В Бухаресте 16-го сего января после непродолжительной болезни умер казак ст. Нижне - Кондрюческой ВВД Степан Никитович **Рыковский**, 64-ти лет от роду.

Покойный похоронен казаками на православном кладбище «Маркуца» в Бухаресте.

С. Н. Рыковский в молодости был хорошим джигитом и имел призы, полученные им на действительной службе в 8-м Донском полку. В казачье - русской войне был в рядах Донской армии и сражался против красных оккупантов родной казачьей земли.

В эмиграции, несмотря на свой преклонный возраст, зарабатывал лично себе кусок хлеба и никогда не обращался за помощью к благотворительным организациям.

На похороны, несмотря на будний день, собралось много народу. Присутствовал окружной атаман **С. М. Маргушин**, украинцы, русские и казаки, не состоящие в станице вольных казаков.

Присутствовал также всеми уважаемый старик, бывший атаман станицы Романовской на Дону, сотник **Е. П. Погожев**.

Заслуживают быть особо отмечены хлопоты и труды при похоронах казаков — хор. **Г. В. Максимова**, **И. Ф. Скакунова** и **Т. В. Гусака**.

Мир праху твоему, дорогой станичник.

Атаман Бухарестской в. к. станицы: **Я. Дулимов**.

Думы и мысли

БРАТЬЯ КАЗАКИ!

Иногда тяжелые страдания и лишения нам на пользу. Мы терпим здесь нужду и невзгоды потому, что раньше вверяли свою жизнь, свою судьбу русским людям. И что же мы видим? Печальную картину, страшную драму. Часть казаков за границей, в эмиграции, часть в концентрационных лагерях, а часть в рабстве у русских красных. Да и что может дать, кроме рабства, сам вчерашний безграмотный раб? Но, да не будет этого впредь!

Казаки! работайте и служите только Казачеству. Казачья судьба должна быть в руках самого Казачества. Права и интересы Казачества стоят выше всяких других прав. Выбирайте себе вождей — больших и ма-

лых — только казаков, казаков телом и душой, казаков, которые рождены в казачьих краях. Они не предадут и не продадут вас. Опасайтесь волков в овечьей шкуре. Не давайте себя в обман, не предавайте друг друга. Вспомните, кто убил наших отцов и матерей, кто отобрал и опозорил ваших жен и сестер, кто разрушил ваши дома и все добро, все хозяйство, веками нажитое, кто сделал вас «апатридами»? Кто разрушил и осквернил храмы Божии? — Все это сделал русский народ. «Вся Русь шла на Дон, вся Русь шла уничтожать Казачество»...

Казаки! Да не быть этому в будущем. Довольно разрушения, довольно разорения, довольно унижения!

Все казаки, любящие свои казачьи края, — под зна

мя ВК! Это есть единственно правильный путь для всех казаков.

Почти все войны ведутся на экономической почве. Война за Дон, Кубань, Терек и другие Казачьи Края была тоже на экономической почве. Русские шли к нам за нашим хлебом и всем нашим добром. Разрушив Дон, Кубань, Терек, Урал и Оренбург, эта орда пытается разрушать и другие страны.

Казачество должно быть восстановлено. Сейчас идет мировая борьба. Борьба националистов и интернационалистов. Победа будет безусловно на стороне националистов.

Существуют в мире два родных брата — 2-й и 3-й интернационалы, т. е. социализм и коммунизм. Социализм и коммунизм на бывшей территории России обанкротились. Они ничего не создали, а все разрушили. Коммунизм и социализм есть утопия, несбыточная мечта в жизни, на практике не применимая, а главное — нам не подходящая. России сейчас нет. Россия вычеркнута с географической карты. Есть Союз социалистических советских республик. Коммунизм есть мировой враг, враг всего человечества и существование советской власти на обширной территории России служит помехой нормальному развитию международной жизни, — говорят европейцы. «Коммунизм есть духовная зараза, которая должна быть уничтожена», — говорят вожди великих народов.

Братья казаки! Кто казак сердцем и душой, кто желает остаться казаком, кто желает быть в своих родных краях, в своих вольных степях, выписывайте и читайте свой казачий журнал «ВК». Пусть будет вам журнал «ВК» вашей путеводною звездой. Пусть этот журнал будет у вас первую настольную книгой.

Журнал «ВК» есть единственный журнал, который борется за ВК идею, за создание казачьего самостоятельного государства.

У казаков есть все данные для образования независимого своего государства. Журнал «ВК» правильно освещает жизнь казачью в прошлом и настоящем. Правильно говорит он и о казачьем будущем.

Если же кто из казаков желает идти с Москвой, будь то рядовой казак, офицер, генерал и даже Атаман, тот пусть заранее готовит для себя лапти. Не будет ему места в среде казачьей.

Все казаки — националисты, любящие свои родные края, спешите под свое казачье знамя, под знамя вольного и самостоятельного Казачества!

Долой красную, кровавую тряпку! Долой оккупантов разрушителей! За казачью волю, за поля, луга родные, за могилы стариков, за напевы удалые — умереть казак всегда готов!

Отчина наша — край казачий, — ждет своих сынов!

Иван К. Гаврилов (Франция).

Ко всем казакам!

Мое слово к вам, братья казаки всех политических течений.

Дорогие братья! не могу остаться безмолвным в настоящий критический момент. Не могу быть безучастным зрителем картины, показывающейся на экране Испании. В сторону последней взоры всего мира обращены с тревогой. Там решается судьба Европы.

Мы, казаки изгнанники, должны больше всех народов сочувствовать испанским националистам, борющимся с бандитами всего мира.

Мы сами, с 1917 года, переживаем свою борьбу, в которой были разбиты, но не побеждены. Силен еще наш национальный дух.

Братья, мы стоим на маленьком островке среди бушующих волн океана. Едва, едва возвышаемся над грозно шипящими волнами. Наша жизнь подобна реке, вечно стремящейся в безбрежный океан времени... И наши индивидуальные ладьи мчатся по волнам этой жизненной реки, как стаи высоколетных журавлей, изредка перекликаясь меж собою.

Я сравниваю с великой рекой жизни и наш казачий национализм. Он берет свои истоки из глубины казачьих сердец, сливается в одно огромное русло и течет вперед — в океан вечности...

В 1708 году Петр I-й физической силой принудил русло реки казачьего национализма изменить направление и заморозил его искусственным морозом руссофильского льда. Этот лед тщательно поддерживается Петровыми наследниками уже более двухсот лет. В течении указанного времени из-за туч русской неправды неоднократно проглядывал теплый луч казачьего солнца. Поднимались бури и трещал русский лед. Были неисчислимые жертвы среди Казачества, но — увы! — замерзала река снова... Бури Степана Разина, Емельяна Пугачева и бессмертного атамана Кондратия Булавина...

В 1917 году снова показалось казачье солнце свободы. Оттаял лед и двинулась национальная река неудержимо за жизнью вперед. Но мы, казаки, не были подготовлены, не запаслись тем, что было необходимо... Ни капитана, ни боцмана... Двигались по воле волн...

Когда народ в ужасе возопил, опасаясь за свою судьбу, на его зов и просьбу отозвался первый народный избранник ген. Каледин, которому Казачество и верило свою судьбу.

Но руссофильский мрак и красный опиум соединились в один химический состав — в облако искусственного дыма, в котором блуждало Казачество — блуждало от берега к берегу...

В тогдашнем политическом хаосе, в вихре противодействий и упорств, челн атаманский разбился о подводные скалы...

На место Каледина был избран Назаров, который своим рыцарством оставил исторические слова «Атаманы не бегут» и предсмертное его слово, когда он стоял перед окровавленной красной рукой, державшей направленные в него дуло. Назаров скомандовал сам: «Свободу, или!».

Убили тело Назарова, но дух его живет в нас и согревает нашу душу.

Не беден казачий народ. Были среди нас герои, которые не боялись смерти. И слава Богу, что они есть среди нас и теперь. «Не гнется казачий дух, есть еще порох в пороховницах»...

После бессмертного Атамана Назарова было еще два избранника, но те займут в казачьей истории мрачную страницу.

Эти атаманы телом были казаки, а душой чужестранцы — русские. Они присягали, клялись перед Крестом и Евангелием служить Казачеству верой и правдой. Но ген. Краснов говорил потом: «Это была временная мера». Он временно клялся перед казачьей святыней. Ген. Краснов еще здравствует и может искупить свои грехи, как искупил разбойник их на кресте, одним словом: «Я с вами»... А А. П. Богаевский — для Казачества вечный мертвец. Его имя уже не блеснет на страницах казачьей истории...

Пока будет существовать солнце, река казачьего национализма будет продолжать свое течение...

До 10-го декабря 1927 года казачий национализм находился в хаосе. С этого года над казачьей землей уже развивается желто-малиново-синий флаг с родным лозунгом: «Наш девиз — Казачья Воля, Казаки — наша цель!».

Эта вывеска нашей национальной пристани общеказачьей, до которой мы добрались только 10-го декабря 1927 года, выбившись из сил. Доплыли и услышали голос национальной трубы, вещающий о казачьей воле и доле. Эта труба сзывает всех казаков во единую семью — в Казакцию.

Если чьи духовные уши не слышали ее сладкого напева, то милости просим — внимательно послушать, но только с верой, без Иудиных лобзаний!

Как в религии вера и дела тесно связаны и одно без другого мертво есть, так и в национальном движении вера и дело есть основа наших стремлений.

Слово **казак** это наша национальная одежда, а донской, кубанский, терский и т. д. — приложение. Это второе слово напоминает лишь наши родные реки, а не создает среди нас разницы. Все мы родные братья, как по духу, так и однообразию своей жизни и быта.

Если вы, братья казаки, еще и до настоящего времени носите русскую свитку на своем казачьем национальном платье, — сбросьте ее, ибо она вас не греет и не облагораживает. Оставайтесь в родном национальном платье, в которое мы одеты с нашей ранней юности. Не

стыдитесь родного своего убора, ибо вся природа убирается тоже только в свой наряд...

17 лет было в нашем распоряжении для размышления о своей судьбе, а теперь настало тревожное время. Мы должны быть в полной готовности к 12-му часу. Близок последний экзамен на нашу политическую зрелость.

Газеты каждый день приносят все новые и новые сведения о грядущей войне. Мир делится на два непримиримых лагеря. Мир подошел вплотную к вопросу жизни и смерти.

Коммунизм не знает компромиссов. По трупам и пожарищам идет к своей цели. Мы это хорошо на себе испытали.

Гданская агенция «Балтпресс» публикует интересную для нас статью о советской России, указывая, что власть в СССР очень обеспокоена договором японо-немецким. Для советов существует такая же угроза извне, как и внутри.

Война в Испании не дает блестящих надежд для большевистских заправил. Немцы, Япония и Италия угрожают советам на море и на суше. Политика Берлина направлена, очевидно, в сторону Петербурга. Япония стремится овладеть Владивостоком...

В последних числах декабря 1932 года мне выпало быть на собрании железнодорожников Сталиноградского (Царицинского) узла, где отчитывался перед рабочим надзирателем инженер, похилой человек, убоженный сединой. Под его ведомством три железно-дорожные ветки: Царицын — Котельников, Царицын — Чир и Царицын — Арчада.

Что же сказал этот старик?

«Товарищи! Работа «сталжелдорузла» из рук вон плоха. Зафиксировано в книге 380 крушений. Соввласть принимала самые решительные меры, дабы уменьшить число крушений. Расстреляны два начальника станций, несколько машинистов и стрелочников. Нас, надзиратели, сменяли систематически, но никакие меры не улучшили положения». — Таково положение там.

Еще интересный случай. Весна 1931 года... Светит и греет по старинному приветливое солнышко. Поля покрылись ковром душистых цветов. Торжественно воскрес растительный мир. Жаворонки поют, не смолкая...

Парится земля. Зябь покрылась зеленым ковром пирея. Посев должен быть в разгаре. Но быки ложатся среди загонов, кони становятся... Верблюды шерсть свою не отдают. Большевистские главари бьют тревогу «на посевном фронте»...

Железнодорожная армия трудящихся с властью «гармонизуется». Одно слово — идет навстречу соввласти, как и колхозники — на посевной боевой фронт.

Случай: экстренным поездом гонят из Баку цистерны керосина и бензина. Доставили два вагона и на Арчадинскую «МТС». Закатали в тупик. Адресаты принялись за переливку... В цистернах оказалась вода без всякой примеси.

Второй случай там же. Выписали с Кубани самую наилучшую пшеницу, под названием «604». Один вагон шестнадцатую с половиной тонн, другой вагон такого же веса, но пшеница ном. 316... — Энтузиазм трудящихся... Выполняем первую пятилетку...

К блогаузу станции подкатили два вагона «семзерно». Ожидающие протелефонировали директору МТС. Тот на автомобиле примчался с сияющим лицом. Наконец — то, товарищи, будем сеять! Получив дубликаты и накладные, принялись за работу. Сорвали пломбы, открыли вагоны и... от неожиданности остоленели.

Директор подбежал к начальнику станции справиться, не произошло ли ошибки. Нет, по документам все значит в порядке. Номера дубликатов и вагонов сов-

падают, но вместо семян оказалось всякое тряпье. Директор тут же застрелился. Рабочие, осмотревшись кругом, сказали: одним меньше... Сейчас же железнодорожное ГПУ взяло своего собрата и отправило в больницу.

17 октября 1930 г. я был свидетелем одного очень большого железнодорожного крушения в Царицыне. В три часа дня со станции Воропоново вышел поезд, груженный углем. Шел он в Царицын. На Садовой не мог остановиться, т. к. испортились тормоза паровоза. Там очень крутой спуск и поезд развил большую скорость. Машинист давал тревожные гудки, но они были без пользы. На Северо-Кавказском вокзале пути всегда забиты составами и поезд, развивший большую скорость, налетел на составы. Не трудно представить, что произошло. Число человеческих жертв было велико. Соввласть в прессе по поводу этого крушения не обмолвилась ни одним словом. Но железнодорожников арестовывали и жестоко карали.

Вот такая гармония красного рая. Так было там, так есть и теперь.

Я уделил особое внимание для тех, которые сочувствуют и верят обманщикам Сидориним, заграничным «ворошиловским кавалеристам» и им подобным. Не подумайте, что в застенках советского рая текут медовые реки. Там, по истине, идет борьба непримиримая.

Помните, что Казачество и другие угнетенные народы с нетерпением ожидают толчка извне... Если только «это» начнется, сейчас же все восстанут на борьбу за свое национальное дело...

На чью же сторону тогда станете вы, «ворошиловские кавалеристы»?

Идея «матери Москвы» не греет сердца порабошенного Казачества. Неужели вы, братья, в будущем будете помогать Москве?

Подумись, брат казак, из дебрей житейских ущелий и взмахи орлиными крыльями. Близка битва. Сольемся в родной казачий национальный отряд, который с материнской лаской примет Казакия. Омоем все свои грехи раздоров в растворяющем золоте любви и соединим свой дух воедино. Несите свою любовь на алтарь своего родного народа. Несите свои сердечные венки на пьедестал своей национальной святости — Казакии, которая освещается негасимым огнем казачьих сердец... На тот лучезарный свет двинутся все наши, рассеянные по всему земному шару, братья, путями правды, путями разума, путями любви и борьбы. От пламени нашей любви возродится под сенью Казакии новая жизнь, которая полюбит всякую казачью душу, ибо там будут братство и равенство.

С Божьей помощью, братья, к объединению в один общий кулак из шести казачьих Войск. Создадим этот кулак казачьим разумом и казачьим сердцем и преподнесем его, как наш дар, будущим казачьим поколениям, — чтобы доля их была лучше нашей.

Во имя идеала, соединяющего и окрыляющего нашу веру в правоту нашего дела, если потребуется, то пожертвуем и своею жизнью.

Если человеческая жизнь превратилась в плавание по бурному морю, то наш идеал есть маяк со светом на берегу моря, делающий наш путь менее опасным.

Братья, спешите под свое родное знамя! Не отставляйте от общего дела! Соберемся все вместе и в грядущем европейском хаосе расчистим путь в родную Казакию.

Желаю Казачеству славы, силы и светлой воли. Слава борцам за казачью правду!

Платон Родин (Польша).

ВНИМАНИЕ

Настоящим еще раз обращаем внимание читателей и подписчиков нашего журнала на увеличение подписной платы, вызванное большим вздорожанием цен в типографии.

Одновременно с этим объявляем, что вследствие большого вздорожания цен за изготовление клише, с настоящего времени мы лишены возможности печатать фотографии в журнале бесплатно.

ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ НА НОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ:

109, RUE ERLANGER, PARIS (16').

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	40 фр.	80 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.